

МИНИСТЕРСТВО ПРОСВЕЩЕНИЯ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
НАБЕРЕЖНОЧЕЛНИНСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ
ПЕДАГОГИЧЕСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ

ИНСТИТУТ ДОПОЛНИТЕЛЬНОГО ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ
КАФЕДРА РУССКОГО ЯЗЫКА КАК ИНОСТРАННОГО
И МЕЖКУЛЬТУРНОЙ КОММУНИКАЦИИ

**СЛОВО
В ЗЕРКАЛЕ
ИСТОРИИ ЯЗЫКА**

**V Абрамовские
научные чтения**

ВЫПУСК 3

НАБЕРЕЖНЫЕ ЧЕЛНЫ
2022

УДК 81:82

ББК 81:83

С 48

Рецензенты

И. А. Герасименко, доктор филол. наук, профессор, заведующий кафедрой
общего языкознания и славянских языков ГИИЯ (Горловка, ДНР)

О. О. Несмелова, доктор филол. наук, профессор, заведующий кафедрой
зарубежной литературы КФУ (Казань, Россия)

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

К. А. КАЛИНИН, канд. филол. наук (отв. редактор)
Л. М. БРАЖНИК, канд. филол. наук, доцент
О. П. ГЛУХОВА, канд. филол. наук, доцент
Р. А. ЗАКИРОВ, канд. филол. наук, доцент
В. А. СОНЬКИН, преп. ИНПЕКО
А. М. ТАРАСОВ, канд. филол. наук, доцент
Л. Р. ШАКИРОВА, директор ИДПО

С 48 **СЛОВО В ЗЕРКАЛЕ ИСТОРИИ ЯЗЫКА:** V Абрамовские научные
чтения. Вып. 3 / под общ. ред. К. А. Калинина. – Набережные
Челны: НГПУ, 2022. – 112 с.

Очередной выпуск сборника статей подготовлен к началу работы V Всероссийских научных чтений с международным участием «Слово в зеркале истории языка» (Абрамовские чтения) в Набережночелнинском государственном педагогическом университете. Организаторами научных чтений являются кафедра русского языка как иностранного и межкультурной коммуникации ИДПО и филологический факультет. Проведение научных чтений приурочено к 200-летию со дня рождения Ф. М. Достоевского и Году родных языков и народного единства в Республике Татарстан. Материалы сборника входят в базу данных РИНЦ.

УДК 81:82

ББК 81:83

© Коллектив авторов, 2022

© ФГБОУ ВО «НГПУ», 2022

ГРАММАТИКА ТЕКСТА

УДК 811.161.1

ГРАММАТИЧЕСКИЕ СРЕДСТВА ВЫРАЖЕНИЯ ИНТЕНСИВНОСТИ В ХУДОЖЕСТВЕННОМ ТЕКСТЕ

Глухова Ольга Петровна

кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры русской и татарской филологии, заместитель декана филологического факультета НГПУ, Набережные Челны, Россия
kate-fashion@yandex.ru

Категория интенсивности в современной лингвистике активно изучается, интерес учёных вызывают её основные характеристики, зоны пересечения с категориями градуальности, экспрессивности, эмоциональности и оценочности (И. В. Арнольд, Ш. Балли, Г. А. Копнина, П. А. Лекант, Н. А. Лукьянова, С. Е. Родионова, С. С. Сафонова, А. П. Сквородников, В. Н. Телия, И. И. Туранский и др.).

В категории интенсивности важное значение имеют понятия «выделенность» и «выдвижение». Н. А. Лукьянова утверждает, что интенсивность связана «не с любой количественной квалификацией явления, а только с такой, которая демонстрирует отклонение от «нормальной» меры» [5, с. 56]. Это качество интенсивности является важным и наиболее значимым для говорящего, а потому указывает на определённую выделенность категории.

Многоаспектность категории интенсивности проявляется в том, что она имеет зоны пересечения с другими семантическими категориями, но в то же время имеет характерные признаки отличия от них. Субъективная значимость увеличения количества признака становится приоритетной для категории интенсивности, поскольку усиливает экспрессивность характеристики.

Следует заметить, что интенсификация имеет существенные отличия от гиперболизации – «...преувеличения, усиливающего выразительность, придающее высказыванию эмфатический характер» [1, с. 99]. Это достаточно близкие явления, но

интенсификация не имеет заведомого преувеличения, которое есть в гиперболлизации.

Высказывание тогда стилистически не нейтрально, когда оно экспрессивно, поскольку чем эмоциональнее речь, тем выше степень интенсивности. Это значит, что в создании семантики экспрессивности немаловажную роль играет взаимодействие с категорией интенсивности. П. А. Лекант назвал интенсив «жемчужиной русской художественной речи», отметив, что «он не чужд и речи обиходной» [4, с. 296–301].

Категория интенсивности реализуется на всех уровнях языка. Фонетические средства интенсификации реализуются с помощью особой интонации, лексические средства интенсификации представлены наиболее широко интенсификаторами и интенсификатами, фразеологизмами. Морфологическими средствами выражения интенсивности считается элатив, на словообразовательном уровне важную роль играют приставки, а также использование приставочных, приставочно-постфиксальных и приставочно-суффиксальных глаголов. Синтаксический уровень представлен усилительными прилагательными, наречиями-интенсификаторами, присубстантивными интенсификаторами, стереотипными клишированными выражениями, редупликацией, семантическим наращением и различными конструкциями с устойчивой структурой.

Часто лексические средства выражения интенсивности сочетаются с фонетическими, морфологическими или синтаксическими.

В рамках данной статьи категория интенсивности будет рассмотрена на синтаксическом уровне, но с использованием разноуровневых средств выражения. В фокусе нашего внимания будут синтаксические конструкции с интенсификаторами-частицами *до чего*, *как и*, *всё* и синтаксические конструкции с наречиями, мотивированными глаголами, однокоренными прилагательными или причастиями, предикативами типа *ревмя ревел*, *смехом смеялся*, *битком набитый* и т.д.

П. А. Лекант утверждает, что «интенсификация в грамматическом аспекте предполагает такие функционально-семантические операции, как акцентирование (подчёркивание), усиление, выделение, полнота, градация (обычно высокая степень),

обобщение, оценка» [3, с. 131]. Сочетание однозначного слова со служебными компонентами является одной из наиболее активно используемых форм интенсива. В образовании подобных синтаксических конструкций в качестве таких компонентов участвуют частицы.

Рассмотрим конструкцию с сочетанием усилительной частицы *до чего* и глагола. В нижеприведённых примерах частица *до чего* и глагол выражают значение полноты, интенсивности, высокой степени проявления действия: «...Ясно, что он знал владимирские храмы, московские... Ведь **до чего додумался!**.. – И Семка стал рассказывать, как ему удалось разгадать тайну старинного мастера [10, с. 58]. Среди глаголов совершенного вида особую группу составляют глаголы с приставками, обозначающими интенсивность или завершённость действия. Следует отметить, что данные конструкции являются важнейшим средством выражения экспрессии, а высокий уровень интенсивности в них поддерживается восклицательной интонацией: «На собственных глазах превращаюсь в петуха и чувствую, как под фуражкой вырастает незримый красный гребень... Ведь вот **до чего допер!**» [8, с. 165]. Конструкции с сочетанием глаголов несовершенного вида с этой частицей характеризуются повышенной эмоциональностью и экспрессивностью, а также способностью выражать субъективность высказывания.

Важную роль в создании интенсивности принадлежит сочетаниям частицы *так и* и глаголов, чаще всего эти глаголы называют действия человека.

В сочетаниях подобного рода частица *так и* подчёркивает энергичность или непроизвольность совершающегося действия, а глагол совершенного вида указывает на его длительность. Подобные глаголы называют эмоциональное состояние человека, имеют повышенный эмоционально-экспрессивный потенциал: «Ох, Марфушечка моя, Радость всенародная... Марфа **так и покати́лась**: – Ну, не дурак ли ты, Антип!» [10, с. 78].

Сочетание частицы *так и* глаголов с отрицанием «не» используется для подчёркивания значения результата предшествующего действия, но результат этот отрицательный и обычно представлен как негативный: «– Ам-та, оп-па, – приговаривал Ермолай, а рабочая спина его, ссутулившаяся за сорок

лет работы у верстака, **так и не распрямилась**, и **так он и плясал** – слегка сгорбатившись, и большие узловатые руки его тяжело висели вдоль тела» [10, с. 108].

Синтаксическая конструкция с сочетанием глагола с усилительной частицей *всё* активно функционирует в речи. Такие конструкции включают глаголы только несовершенного вида, глагольное действие в них повторяющееся, длительное, а частица выполняет функцию интенсификатора, усиливает оттенок продолжительности, указывает на незавершённость действия или состояния.

В сочетаниях с частицей *всё* и повторяющимися однокоренными глаголами несовершенного вида выражается длительное или интенсивное изменение состояния живой и неживой природы. Следует отметить, что в подробных конструкциях оттенок длительности действия выражен ярче в силу открытости структуры предложения: «А за окном **все шлепало и шлепало** в подоконник» [10, с. 46].

Интенсивность действия отмечается в конструкциях с оттенком субъективно-эмоциональной оценки. Экспрессивность усиливается эмоциональными глаголами несовершенного вида, которые выражают различные чувства – страх, печаль, гнев, радость, изумление: «*Что вы **все боитесь нас**, как... не знаю...*» [10, с. 50].

Одним из характерных проявлений интенсивности является избыточность. В таких случаях часто используются стереотипные клишированные выражения и плеонастические конструкции. Интенсивный признак проявляется в наречиях, мотивированных глаголами. Некоторые из наречий употребляются только в разговорных конструкциях в позиции с однокоренными глаголами с целью усиления. Экспрессивно подчёркивают значение беспрефиксальных глаголов несовершенного вида наречия с суффиксом *-мя* или морфом *ом/ком*: «*Как я только не просил: в ногах у него валялся, **ревмя ревел** – отпустите в школу!*» [10, с.72].

Устойчивой структурой и высоким проявлением признаков отличаются выражения с наречием, мотивированным причастием: «*Едем раз. А студбеккер наш **битком набитый***» [10, с. 34].

В предложениях с сочетаниями качественного прилагательного и предикатива с однокоренным наречием с суффиксом *-ым* признак выражается наиболее полно, а интенсивность – ярче: «*С одной*

стороны сосны есть, а с трех – **голым-голо**, как стены выложены. Вот это место и есть» [2, с 151].

Особой интенсивностью отличаются предложения, в которых две одинаковые спрягаемые формы глагола или спрягаемая форма глагола и императивный глагол. Такие конструкции обозначают полноту, напряженность и длительность действия, а степень усиления признака поддерживается восклицательной интонацией: «*Какая все-таки жизнь! – в один миг все сразу рухнуло. Да и **пропади** бы он **пропадом**, этот кожан!*» [10, с.74].

Предложения, в которых имеются однокоренные конструкции, совмещающие в себе семантику процессуального признака со значением наречия как части речи, второе слово выражает высокую степень признака: «*Подправил свою избушку и живет потихоньку, **один-одинешенек**. Только стали соседя замечать – неспроста дело*» [2, с.85].

Сочетания однокоренных глаголов, в которых один – в личной форме, а другой является инфинитивом, обозначают напряженность и длительность действия. Экспрессивный характер высказывания усиливается при условии обязательного отрицания при второй форме. Такие сочетания обычно обозначают конкретное действие, восприятия или чувства: «*Дураком тебя назвать – в обиду примешь, а дури в тебе – **черпать не исчерпать!***» [9, с. 75].

Итак, синтаксические конструкции с интенсификаторами-частицами *до чего, как и, всё* и синтаксические конструкции с наречиями, мотивированными глаголами, однокоренными прилагательными или причастиями, предикативами являются ярким средством выражения категории интенсивности. Эти конструкции имеют семантику полноты, интенсивности, высокой степени проявления действия, подчёркивает энергичность или произвольность совершающегося действия, длительность, имеют повышенный эмоционально-экспрессивный потенциал.

ЛИТЕРАТУРА

1. Ахманова О. С. Словарь лингвистических терминов. – М.: Сов. энциклопедия, 1969. – 607 с.
2. Бажов, П.П. Золотые дайки из цикла Медной горы хозяйка (уральские сказы). М.: Детская литература, 2017. – 221 с.

3. Лекант П. А. Аналитическая часть речи *предикатив* в современном русском языке // Вестник Московского государственного областного университета. Серия «Русская филология». – 2011(а). – № 2. – С. 20–27.
4. Лекант П. А. Рациональный и эмоциональный потенциал русской грамматической системы // Рациональное и эмоциональное в русском языке: Международный сборник научных трудов. – М.: МГОУ, 2012(а). – 300 с.
5. Лукьянова Н. А. Экспрессивная лексика разговорного употребления: Проблемы семантики. – Новосибирск: Наука, 1986. – 227 с.
6. Родионова С. Е. Славянский вестник. Вып. 2. – М., 2004. – 608 с.
7. Салтыков-Щедрин М. Е. Господа Головлёвы. – СПб., 2013. – 382 с.
8. Шолохов М. А. Тихий Дон: Роман в 4-х кн. Кн.1 и 2. – М., 1987. – 704 с.
9. Шолохов М. А. Поднятая целина. Собрание сочинений в 6 т. Т. 1. – М.: Гослитиздат, 1958.
10. Шукшин В. М. Собрание сочинений: в 6 кн. Том 2. Рассказы 1960-х годов. – М.: Молодая гвардия, 1992. – 562 с.

В статье рассматриваются средства выражения категории интенсивности – синтаксические конструкции с частицами *до чего, как и, всё* и синтаксические конструкции с наречиями, мотивированными глаголами, однокоренными прилагательными или причастиями, предикативами. Автор описывает семантику данных конструкций, которая включает в себя значения усиления, полноты, интенсивности, высокой степени проявления действия, энергичности или непроизвольности совершающегося действия, длительности, имеют повышенный эмоционально-экспрессивный потенциал.

Ключевые слова: категория интенсивности, интенсификаторы, предикативы, усиление, выделение, градация, эмоционально-экспрессивный потенциал.

GRAMMATIC MEANS OF EXPRESSING INTENSITY IN ARTISTIC TEXT

O. P. Glukhova

The article discusses the means of expressing the category of intensity - syntactic constructions with particles to what, like everything, and syntactic constructions with adverbs, motivated by verbs, adjectives or participles, predicatives. The author describes the semantics of these structures, which includes the values of amplification, completeness, intensity, high degree of manifestation of action, energy or involuntary action of the action, duration, have an increased emotional and expressive potential.

Keywords: category of intensity, intensifiers, predicatives, amplification, selection, gradation, emotional and expressive potential.

**ДИНАМИКА СРЕДСТВ ВЫРАЖЕНИЯ МОДАЛЬНОСТИ В
ДРЕВНЕРУССКОМ ПОВЕСТВОВАТЕЛЬНОМ ТЕКСТЕ
(на примере «Повести о битве на Липице» (XIII век) и «Повести о
стоянии на Угре» (XV век))**

Корчагина Анастасия Юрьевна¹

магистрант филологического факультета НГПУ, учитель русского языка и литературы МБОУ «Бетькинская СОШ», Бетьки, РТ, Россия
nastya.marataeva@mail.ru

Многоаспектная категория модальности как одна из ключевых категорий, устанавливающих связь высказывания с внеязыковой действительностью и реализующих его коммуникативный потенциал, является сегодня объектом устойчивого и активного интереса как в отечественном, так и в зарубежном языкознании. Художественный текст как коммуникативно-направленное вербальное произведение, обладающее эстетической ценностью, представляет собой индивидуально-авторскую концепцию мира, он пронизан субъективностью, поэтому антропоцентричность выражается в речи и как субъективно-модальное значение [3, с. 3].

В процессе развития системы русского языка менялись и средства выражения модальности. В качестве средств выражения модальности всегда выступали слова ограниченного круга частей речи. В древнерусских текстах наиболее частотными средствами выражения модальности являлись союзы и частицы. Как известно, все исконные союзы сочинительные; только они и представлены в древнерусском языке раннего периода как достоверно самостоятельные союзы. Они выступали также в роли модальных частиц, добавляя в предложения определенные значения: *а, и, нъ* [5, с. 409]. Частицы, которые употреблялись чаще всего для выражения модальных значений, не так многочисленны. К ним относились *же, бо, ли, ти* [5, с. 407]. Для анализа структурных и семантических изменений в составе средств выражения категории модальности нами были выбраны два повествовательных текста XIII

¹ Научный руководитель – канд. филол. наук, доцент О. П. Глухова

и XV веков: «Повесть о битве на Липице» и «Повесть о стоянии на Угре» соответственно [1 с. 314-319, 2 с. 493-496].

Интересно проследить специфику употребления частиц и союзов в данных повестях, частотность их употребления, способность усиливать модальное значение. На выбранных текстах нами был проведен комплексный анализ средств выражения модальности.

Одним из наиболее распространённых средств выражения модальности в древнерусском тексте является частица **же**. Она встречается наиболее часто, передаёт модальные значения. В древнерусских текстах она обычно выражает значение *усиления*, *желательности* выполнения действия. Эта частица широко употребляется в обоих текстах. Вместе с тем можем выделить некоторые отличия в её употреблении. В «Повести о битве на Липице» частица **же** употреблена со значением усиления указания на лицо или действие, его конкретизация: «Ярослави **же** мужи изчиниша твердь...», «И Ярославъ **же** слышав...», «...они **же** выехавше за 15 версть от града явишась...», «А Мстислав **же** и Володимеръ с новгородци постависта свои полкы близ Юрьева...».

В «Повести о стоянии на Угре» частица **же** употребляется так же часто. Значения её схожи с теми, которые встречаются в тексте XIII века. Однако в этом тексте значения усиления в большей мере относятся к глагольным предикатам, а не к именам существительным: «прииде **же** вѣсть к великому князю...», (желательность совершения действия); «князь **же** великий приим моление их...» (совершенное действие); «быша **же** мрази великы тогда» (усиление временной характеристики); «царь **же** бѣжаше во Орду...» (усиление важности действия).

Кроме этого в тексте XV века сохраняется и усиление указания на желательность действия, на лицо и предмет: «князь **же** великий сына своего...» (усиление указание на того, кто именно является отцом); «князь **же** великий с любовию прия их...» (указание на то, что именно князь принял с любовью); «во граде же Москвѣ всѣм во страсть пребывающим...» (указание на место). В примере частица **же** употребляется вместе с союзом **и**: «и приидоша **же** и братия...» и передаёт указание на тех, кто еще пришел.

Можно сделать вывод о том, что постепенно значение частицы **же** конкретизировалось, она всё более усиливала значение глагольных конструкций.

Следующим средством выражения модальных отношений являются союзы **а**, **и**. В древнерусских текстах они не только соединяли предложения, но и выполняли роль модальных частиц со значением усиления. В «Повести о битве на Липице» эти союзы, прежде всего, служат для выражения отношений между смысловыми частями текста, так как в XIII веке связи между предложениями не были устойчивыми. Употреблённые в роли модальных частиц, эти союзы имели следующие значения: усиление значения сказанного: «**и** отбись у них, **и** Мстислав взя Зубцев **и** быша на Возузѣ. **И** прииде Володимеръ Рюрикович съ смолянны...», усиление с повтором: «**и** посла Яруна с молодыми людьми, **и** наехаша на него сторожи Ярославли, **и** пособи Богъ Яруну...», «**и** бяху полци силни велми: муромци, **и** бродници, **и** городчане, **и** вся сила Суждалской земли...», «аще кто с полку утечет не убит, **а** имемъ и, **а** тѣх повелѣваемъ вѣшати, **а** инѣх распинати...».

В «Повести о стоянии на Угре» эти союзы используются так же часто. Союзы, выступающие в роли модальных частиц, несут следующие значения: «Ахмат идетъ со своею ордою **и** царевичи, уланы и князми, **еще же и** с королем во единой думе с Казимером...» (в сочетании с другими частицами придает значение усиления добавочного значения); «**тогда же** на Москвѣ мати его великая княгини **и** с митрополитом Геронтием, **и** архиепископъ Васьян, **и** троецкой игумен Паисей молиша великаго князя о братии его...» (усиление указаний на лица и время совершения действия); «царь **же** бѣжаше во Орду, **и** прииде на него ногайский царь Ивак **и** Орду взя **и** его уби...» (в сочетании с частицей **же** указывает важность совершения определенных действий конкретным лицом). В следующем примере с таким же сочетанием союз **и** привносит модальное значение желательности совершения действия: «воздай **же** им, Господи, по дѣлом их **и** по лукавству начинания их, по дѣлом рук их, дай **же** им...».

На примере анализа этих двух текстов можно увидеть, как модальные значения усиливаются именно благодаря повтору частиц в предложении. Однако в тексте XV века уже наблюдается снижение частоты использования союзов в качестве частиц. Происходит «очищение» их значения, в употребление вводятся подчинительные союзы, например, **егда**: «**егда** же ста река, тогда князь великий повелѣ сыну своему...», «**егда** отступиша от брегу наши, татарове

страхом обдержими побѣгоша...». Заметно проявляется смысловая целостность самого текста. Благодаря этому явлению можно понять, что авторское отношение стало сильнее проявляться в текстах, что отражается на общем модальном фоне.

Частица **бо** в древнерусских текстах передаёт значение уверенности. В «Повести о битве на Липице» она употребляется часто: «пойде вборзѣ въ 500, толико **бо** всѣх вой бяше...» (уверенность в силе воинов), «бяше **бо** погнано ис поселий и до пѣща...» (уверенность в том, что кто-то был изгнан), «управимся, мы **бо** есмы племенници собѣ...», «не 10 **бо** убито, ни 100, но тысяща тысящами, а всѣх избитых 9233 мужи...» (уверенность в том, сколько именно было убито). С XV века частица **бо** становится основой для образования союзов **убо, ибо**. Но её употребление в роли модальной частицы пока не исчезает полностью, что можно увидеть в тексте «Повести о стоянии на Угре»: «бѣ бо дивно тогда свершися Пречистые чудо: едини от других побѣже и никтоже женяше...» (уверенность в свершении чего-то необыкновенного), «тое же зимы прииде великая княгиня Софья из бѣгов, бѣ **бо** бѣгала на Белоозеро от татарь...» (уверенность, где находилась в определенное время княгиня Софья). Стоит отметить, что в данном тексте пока не наблюдается использование видоизмененной частицы.

Основной отличительной особенностью данных текстов стало употребление частицы **ти**. В тексте XIII века она употребляется, а в тексте XV века она не встречается ни разу. Чаще всего эта частица передавала значение заинтересованного пожелания лица. В Повести о битве на Липице она используется в следующих значениях: «клянем **ти** ся, нѣту намъ с тобою обиды; обида нам съ Ярославом...» (значение выражение желания клятвы); «и бишяся **ти** день и до вечера, но бяхутся не присердно...» (указание на интерес к продолжительности боя), «творяху посла от князя, и **ти** бо глаголаху: «Наши одолѣют...» (выражение желательности и уверенности в словах в сочетании с частицей **бо**), «**ти** же быша вси живи...» (изъявление пожелания жизни). Всего в данном тексте частица **ти** употреблена 4 раза. Её модальное значение несколько ослаблено, именно поэтому употребляется она не так часто.

Анализ древнерусских повествовательных текстов показал, что с течением времени изменялся состав средств выражения категории модальности. С XIII века снижается роль союзов, происходит

исчезновение некоторых частиц. Но тем не менее модальный фон повествовательных текстов становится ярче, яснее. Появляются новые средства выражения модальности, что свидетельствует о переходе от древнерусского типа строения текста к синтаксическим особенностям текстов Нового времени.

ЛИТЕРАТУРА

1. Библиотека литературы Древней Руси / под ред. Д. С. Лихачева и др. – СПб.: Наука, 1997. – Т. 5: XIII век. – 527 с.
2. Библиотека литературы Древней Руси / под ред. Д. С. Лихачева и др. – СПб.: Наука, 1999. – Т. 7: Вторая половина XV века. – 581 с.
3. Глухова О. П. Модальность как категория текста: на материале произведений Ю. Полякова. – Казань: РИЦ «Школа», 2012. – 130 с.
4. Калинин К. А., Харисова З. Р. Повторы как средство выражения субъективной модальности в ораторской прозе Древней Руси // Современные исследования социальных проблем. – Красноярск: НИЦ, 2016. – Т. 9. – № 3-2. – С. 319–324.
5. Колесов В. В. Историческая грамматика русского языка. – СПб.: СПбГУ; М.: Академия, 2009. – 512 с.

Автор работы предпринимает попытку проследить структурную и семантическую динамику средств выражения категории модальности в древнерусском языке. Для анализа привлекаются тексты повествовательной литературы XIII и XV веков. Это позволяет выявить основные изменения в употреблении и значении таких средств выражения модальности, как союзы и частицы.

Ключевые слова: категория модальности, частицы, союзы, древнерусский текст, модальное значение.

THE DEVELOPMENT OF MEANS OF EXPRESSING MODALITY IN THE OLD RUSSIAN NARRATIVE TEXT (ON THE EXAMPLE OF «THE TALE OF THE BATTLE OF LIPITSA» (XIII CENTURY) AND «THE TALE OF STANDING ON THE EEL» (XV CENTURY))

A. Yu. Korchagina

The author of the work attempts to trace the change in the means of expressing the category of modality in the Old Russian language. The texts of narrative literature of the XIII and XV centuries are used for analysis. This makes it possible to identify the main changes in the use and meaning of such means of expressing modality as conjunctions and particles.

Keywords: category of modality, particles, conjunctions, Old Russian text, modal meaning.

ФУНКЦИОНИРОВАНИЕ НОМИНАТИВНЫХ ПРЕДЛОЖЕНИЙ В ПОЭТИЧЕСКИХ ТЕКСТАХ А. А. БЛОКА

Кузнецова Диана Степановна²

студентка филологического факультета НГПУ,
Набережные Челны, Россия
dianka.kuznetsova2015@mail.ru

В художественной литературе номинативные предложения используются в самых разных жанрах. Они фрагментарны, но одновременно имеют большую емкость выражаемого содержания. В них называются значительные, выразительные детали, с помощью которых читатель может создать общее представление описываемой обстановки или событий. Наиболее часто номинативные предложения употребляются в описательных текстах поэтической и прозаической речи. В лирических текстах они имеют довольно широкое распространение. Наша статья посвящена описанию номинативных предложений. Цель работы – описать специфику употребления номинативных предложений в лирике А. А. Блока.

Для структуры блоковских поэтических текстов характерны не громоздкие синтаксические конструкции, а односоставные номинативные предложения. Номинативные предложения в лирических произведениях Александра Блока встречаются довольно часто и выполняют различные функции. Например, предложения данного типа в поэзии А. Блока могут выступать в качестве экспозиции в начале текста для изображения места и времени действия, для описания окружающей среды, обстановки, интерьера: «**Ветер душистый в лицо!**» [1, с. 162], «**Сумерки, сумерки вешние, хладные волны у ног...**» [1, с. 49], «**Но снова кругом тишина**» [1, с. 60], «**В поле весна**» [1, с. 59].

В стихотворениях А. Блока наиболее частотны номинативные предложения бытийного типа. Собственно бытийные предложения выражают существование называемого явления, мыслимого во временной протяженности: «**Милый сон, вечерний лучик...**» [1, с. 49],

² Научный руководитель – канд. филол. наук, доцент О. П. Глухова

«Вечный **гомон** и уличный **треск...**» [1, с. 57], «Сырое **лето**» [1, с. 96]. Предметно бытийные предложения указывают на предметы, которые расположены в пространстве, и передают смысл их существования: «**Фонарей** убегающий **ряд**» [1, с. 57], «**Церковь** в лесистой глуши» [1, с. 50]. Главный член подобных предложений чаще всего выражен существительным в именительном падеже. Оно обычно распространяется определением или дополнением: «**Отблески, сумерки** вешние, **крики** на том берегу» [1, с. 49], «Вечный **гомон** и уличный **треск, фонарей** убегающий **ряд**» [1, с. 57], «Сырое **лето**» [1, с. 96], «**Тени** бархатных ресниц... В золотистых перьях тучек **танец** нежных вечерниц» [1, с. 75]. Предложения бытийного типа – это один из способов создания цельности художественного текста, одно из средств, обогащающих семантику всего текста.

Также часто в стихотворениях Блока встречается указательный тип номинативных предложений. С помощью таких предложений автор обращает внимание на имеющиеся предметы или явления; в подобных предложениях используется указательные частицы *вот, вон*: «**Вот жребий** странный, беспощадный твой, божьей милостью поэт!» [1, с. 39], «**Вот последний свистящий раскол...**» [1, с. 136], *Вот **портрет...*** [1, с. 152]. Такие предложения передают наглядное для говорящего и собеседника бытийное значение с дополнительным указательным оттенком: «**Вот он, сын мой, окровавленный!**» [1, с. 89]. Дополнительная семантика завершённости восприятия бытия предмета осуществляется с помощью частицы *вот и*: *Вот и **вечер...*** [1, с. 86]

Восклицательные и вопросительные номинативные предложения также многократно встречаются в лирических текстах А. Блока: «**О, скудные сердца!**» [1, с. 48], «**Страшный мир!**» [1, с. 218], «**Май жестокий с белыми ночами!**» [1, с. 98], «**Здравствуй, даль, освобожденная от ночной туманной мглы!**» [1, с. 88], «**О, сон мой!**» [1, с. 211], «**Исполнским лучем пораженная мгла!**» [1, с. 112], «**Где же дом?**» [1, с. 257], «**Что с тобою, возлюбленный мой?**» [1, с. 256], «**Что ж, конец?**» [1, с. 240]. С помощью таких предложений автор выражает эмоциональную оценку того или иного явления действительности, выражает к сообщаемому свое отношение, привлекает внимания собеседника, читателя.

Классическим примером использования номинативных конструкций является популярное стихотворение А. Блока «Ночь, улица, фонарь, аптека...». В этом стихотворении номинативные предложения представляют неподвижную картину. В первом предложении одни существительные, без определений, дана только констатация предметов:

«Ночь, улица, фонарь, аптека,

Бессмысленный и тусклый **свет.**

Живи еще хоть четверть века –

Все будет так. Исхода нет» [1, с. 224].

Это картина города, которая навеивает лирическому герою мрачные мысли. «Номинативные предложения в данных строчках формируют особенный ритмический рисунок, вводят читателя в атмосферу лирического произведения, здесь подчёркивается функция описания картины места и времени действия, внутреннего состояния героя» [2, с. 21]. Лирический герой перемещает свой взгляд с одного предмета на другой, анализирует, делает выводы. С помощью таких предложений автор передает чувство тревоги, отчаяния. Во второй части стихотворения автор подтверждает мысль о том, что жизнь – замкнутый круг, из которого нет выхода:

«Умрешь – начнешь опять сначала

И повторится все, как встарь:

Ночь, ледяная рябь канала,

Аптека, улица, фонарь» [1, с. 224].

Лирический текст имеет кольцевую композицию, которая создается с помощью номинативных предложений. Важными символами являются ночь, улица, фонарь и аптека, они начинают стихотворение и замыкают его. Сама композиция служит знаком, который олицетворяет цикличность жизни. «В некоторых случаях предложения номинативного типа употребляются с целью подчеркнуть значительные детали, по которым можно представить общую картину события» [2, с. 21]: «Белый **стан, голоса панихиды и твое золотое весло**» [1, с. 61], «Вечный **гомон и уличный треск, фонарей убегающий ряд**» [1, с. 57].

Наиболее ярко функция подчеркивания значительных деталей представлена в начале поэмы А. А. Блока «Двенадцать»:

«Черный **вечер.**

Белый **снег.**

Ветер, ветер!

На ногах не стоит человек.

Ветер, ветер –

На всем божьем свете!» [1, с. 326]

В данном отрывке номинативные конструкции сосредоточивают внимание на важных деталях, помогают представить отдельные части описываемой обстановки. Автор красочно представляет картину послереволюционного Петрограда, заснеженного, морозного. Данные предложения погружают читателя в атмосферу тех событий, чтобы последующее содержание поэмы никого не удивило.

Таким образом, номинативные предложения в поэтических текстах Александра Блока выполняют функцию описания картины места и времени действия, внутреннего состояния героя, создают динамизм, выхватывая из развернувшейся ситуации детали обстановки, дают возможность читателю представить общую картину, выражают эмоциональную оценку того или иного явления действительности, привлекают внимание читателя.

ЛИТЕРАТУРА

1. Блок А. А. Стихотворения. Поэмы. – М.: Современник, 1987. – 368 с.
2. Кузнецова Д. С. Функционирование односоставных предложений в поэтических текстах А. А. Блока // Вызовы XXI века: сб. науч. работ. – Набережные Челны: НГПУ, 2021. – С. 20-22.

В статье рассматривается роль номинативных предложений в поэтических текстах. Автор исследует номинативные предложения как наиболее частотные в поэзии А. Блока для выражения следующих функций: функции описания картины места и времени действия, внутреннего состояния героя, функции динамизма.

Ключевые слова: односоставное предложение, номинативное предложение.

FUNCTIONING OF NOMINATIVE SENTENCES IN A.A.BLOK'S POETIC TEXTS

O. P. Glukhova, D. S. Kuznetsova

The article examines the role of nominative sentences in poetic texts. The author explores nominative sentences as the most frequent in A. Blok's poetry to express the following functions: the function of describing the picture of the place and time of action, the inner state of the hero, the function of dynamism.

Keywords: one-part sentence, nominative sentence.

**СПОСОБЫ РЕАЛИЗАЦИЯ СУБЪЕКТИВНОЙ МОДАЛЬНОСТИ
В ХУДОЖЕСТВЕННОМ ТЕКСТЕ
(НА ПРИМЕРЕ РАССКАЗА Л. Н. АНДРЕЕВА «КУСАКА»)**

Петрова Виктория Эдуардовна³

студентка филологического факультета НГПУ,
г. Набережные Челны, Россия
vairyimei999@gmail.com

Целью любого художественного произведения является передача тех мыслей и идей, которые, по мнению автора, наиболее важны для понимания читателем авторского замысла. Процесс коммуникации между писателем и читателем осуществляется при помощи языковых средств, которые выполняют функцию передачи различных субъективных смыслов. Наиболее часто в этом процессе участвует такая языковая категория, как субъективная модальность. Субъективная модальность – это языковое явление, которое грамматически, лексически и интонационно выражает отношение говорящего к сообщаемому или сообщаемого к действительности. Интересно, что субъективная модальность наиболее ярко проявляется в текстах публицистического жанра и разговорной речи, когда в текстах научного жанра её практически не наблюдается. Это объясняется тем, что в содержании научных работ преобладает фактический материал. Стоит отметить, что в высказываниях, предложениях субъективная модальность участвует в выражении значений желания, изъявления воли к осуществлению чего-либо, приказания, просьбы, уступок, допущения, оценки и т. д. Из этого следует, что данная языковая категория наполняет текст художественного произведения экспрессивностью и эмоциональностью. Благодаря субъективной модальности, в тексте проявляется авторское отношение к действительности, описываемым персонажам, а также выражаются различные оттенки взаимоотношений между героями произведения. Знание языковых средств, реализующих субъективную модальность, а также знание

³ Научный руководитель – канд. филол. наук, доцент О. П. Глухова

особенностей их функционирования в текстах играет немаловажную роль при анализе художественных произведений, так как зачастую явное авторская позиция может обнаруживаться только в лирических отступлениях. Использование в произведении тех или иных языковых средств связано с авторским замыслом, например, использование художественных тропов, прямой речи, имён собственных, способов организации композиции и т. п. «Состав речевых средств в структуре литературного произведения органически связан с его «содержанием» и зависит от характера отношений к нему со стороны автора» [2, с. 192].

Субъективная модальность выражается самыми разнообразными языковыми средствами: интонацией, специальными синтаксическими конструкциями, словопорядком, повторением слов, сочетаниями знаменательных слов с частицами, междометиями, вводными словами и сочетаниями слов, а также различными комбинациями этих средств [7]. Все перечисленные средства реализации субъективной модальности помогают автору художественного произведения в передаче мыслей, смыслов, которые он намеревается донести до читателей.

Для того чтобы проиллюстрировать особенности функционирования средств выражения субъективной модальности мы выбрали рассказ Л. Н. Андреева «Кусака». Реплики героев в тексте выбранного нами произведения довольно эмоциональны. Эти эмоции реализуются средствами, которые выражают субъективную модальность.

Одним из главных средств выражения субъективной модальности является интонация. При помощи интонации высказывания приобретают оценивающие, акцентирующие значения. Интонация включает в себя темп и ритм речи, интенсивность и тембр голоса, паузы, логические ударения и мелодику. Героиня рассказа произнесла «Злю-щяя!» с протяжным звуком [y], когда впервые увидела Кусаку. Собака в тот момент была настроена агрессивно по отношению к девочке. В данном примере при помощи интонации выражается оценочно-характеризующее значение интенсивности и степени полноты проявления признака. В следующей своей реплике героиня грустит о скорой разлуке с животным: «Жааалко, – протянула Лёля» [1]. Девочка не хочет расставаться с собакой, так как испытывает к ней жалость, потому

что Кусака ранее была нелюдима на протяжении очень долгого времени, а через несколько месяцев после того как впервые смогла подружиться с людьми, она вновь окажется в одиночестве. Протяжный звук [а] в наречии *жалко* выражает значение интенсивности, высокой степени грусти.

Субъективно-модальные значения могут выражать и морфемы, имеющие эмоционально-экспрессивное и оценочное значение. К таким морфемам относятся уменьшительно-ласкательные суффиксы *к, ик, ок/ек, чк, юшк, еньк, оньк* и суффиксы прилагательных *онн/енн, ущ/ющ* в значении высокого проявления признака. *«Кусачка, подойди ко мне! – звала она к себе»* [1]. Лёля ласково называет собаку *Кусачка*, используя уменьшительно-ласкательный суффикс *чк*. Тем самым она даёт понять животному, что девочка хорошо к ней относится и не причинит ей вреда. Или в другом примере: *«Дайте копеечку, – гнусавил протяжно дурачок...»* [1], где использование уменьшительно-ласкательного суффикса *чк* в существительном *копеечка* не привносит значения умиления, расположения. В данном случае употребляется оценочно-характеризующее значение непреимущества. Уличный попрошайка Ванюша намеренно преуменьшает значение копеечки, которую просит, чтобы прохожие ему её дали, не испытывая жадности или презрения к дурачку.

Одним из преобладающих средств выражения субъективной модальности являются лексические средства. К группе лексических средств относятся междометия, частицы, слова в переносном значении, лексические фразеологизмы и т. д. В рассказе Л. Н. Андреева широко используются междометия в речи персонажей. К междометиям относятся «неизменяемые слова, которые непосредственно выражают чувства и волеизъявления, не называя их: Ай! Ах! Ну! Ура! Цыц! Чу!» [4, с. 279]. «Можно говорить о междометном значении как особом виде лексического значения, которое связано с выражением субъективного отношения говорящего к действительности и является ситуативно и интонационно обусловленным» [5, с. 33]. В реплике Лёли *«Ай, злая собака!»* [1] междометие вносит в слова девочки значение испуга, растерянности. В момент речи героиня не ожидала увидеть агрессивное животное, которое, в силу своей нелюдимости, набросится на неё.

Среди лексических средств в тексте рассказа встречаются модальные частицы. Частицы уточняют, придают или конкретизируют смысловые, эмоциональные, модальные значения слов, предложений, а также выражают отношение говорящего к действительности или сообщаемому [3]. Использование в речи/тексте частиц придаёт высказываниям большую эмоциональность и выразительность. К модальным частицам относятся частицы, которые вносят в предложения значения достоверности или недостоверности, реальности или ирреальности, вопросительности или утвердительности т. п.:

– утвердительные: *так, да, ещё бы, ага, точно и т.д.*

– отрицательные: *не, ни, нет, отнюдь не, вовсе не, далеко не и т.д.*

– вопросительные: *неужели, ли, ль, разве и т.д.*

– сравнительные: *словно, будто, как будто, точно и т.д.*

– указывающие на чужую речь: *дескать, мол, де и т.д.* [3]

В. Г. Костомаров также выделяет усилительные, выделительно-ограничительные частицы. К усилительным частицам он относит: *определённо, положительно, даже, даже и, ещё, же, уже, уж* и т. д. К выделительно-ограничительным частицам: *только и лишь*. Помимо этого, некоторые лингвисты выделяют указательные частицы: *вон, это, вот* [6, с. 136].

Модальные частицы многофункциональны и поясняют множество субъективных смыслов в речевом высказывании. Кроме этого, семантика модальных частиц не является исчерпывающей относительно каждого вида частиц и способна видоизменяться в структуре высказывания, приобретая новые смысловые оттенки.

В предложении «*Но такую гордую и независимую она бывала **только** наедине*» [1] усилительная частица **только** выражает высокую степень проявления признака, вносит значение ограничения в препозиции по отношению к наречию *наедине*. Кусака с опаской относилась к посторонним людям, так как её обычно обижали и кидали в неё камнями, и по этой причине она могла почувствовать себя сильной и свободной лишь в одиночестве.

В следующем примере: «*...и приподнявшись на задние лапы, заглянула в стеклянную дверь и **даже** поскреблась когтями*» [1] частица **даже** служит для усиления того слова, к которому относится. После того, как уехали люди, с которыми подружилась

Кусака, собака вновь осталась одна, никому ненужная. В данном случае выделяется глагол *поскреблась* и усиливается значение одиночества, грусти, тоски.

Помимо фонетических, морфологических и лексических средств в рассказе Л. Н. Андреева встречаются и синтаксические средства выражения субъективной модальности. К синтаксическим средствам относятся синтаксические конструкции, повторы и вводные компоненты.

Также нами было выявлено частое употребление повторов в речи персонажей произведения. «Различные субъективно-модальные значения выражаются повторением в предложении одного и того же слова. Такие повторы – лексически не ограниченные – могут быть бессоюзными и союзными. В бессоюзном повторе значение выявляется интонационно» [7].

Синтаксические повторы используются для выражения интенсивности признака или длительности действия: «**Сахару хочешь? ... Сахару тебе дам, хочешь? Ну, пойди же!**», «**Я тебя люблю, Кусачка, я тебя очень люблю**» [1]. В приведённых примерах Лёля пытается расположить к себе Кусаку, подружиться с ней и по этой причине повторяет слова, которые могут быть приятны животному.

Проведённое нами исследование выявило, что субъективная модальность является сложным, комплексным явлением в языке, содержащее в себе множество модальных значений и выражающаяся при помощи различных языковых средств: фонетических, морфологических, лексических и синтаксических. Рассмотренные нами средства выражения субъективно-модальных значений свидетельствуют о сложности данной языковой категории и подтверждают её важность в качестве интерпретационной составляющей художественного текста.

ЛИТЕРАТУРА

1. Андреев Л. Н. Кусака. – М., 1990.
2. Виноградов В. В. О категории модальности и модальных словах в русском языке // Исследования по русской грамматике. – М., 1975. – С. 53–87.
3. Колесникова С. М. Современный русский язык. Морфология: учебное пособие. – М.: Издательство Юрайт, 2021. – 297 с.

4. Розенталь Д. Э., Голуб И. Б., Теленкова М. А. Современный русский язык. – М.: Рольф, 2001. – 448 с.
5. Рыжкина О. А. Лексико-семантические и грамматические особенности междометий и их функционирование в речи (на материале анализа пьес А.Н. Островского и А.П. Чехова). – Тамбов: Тамбовский гос-ый ун-тет им. Державина, 2009. – 190 с.
6. Современный русский литературный язык в 2 ч. Часть 2: учебник для вузов / В. Г. Костомаров [и др.]; под ред. В. Г. Костомарова, В. И. Максимова. – М.: Юрайт, 2021. – 352 с.
7. Шведова Н. Ю. Грамматика современного русского литературного языка. – М.: Наука, 1970. – 767 с.

В статье раскрывается понятие о субъективной модальности и способах её выражения в художественных текстах. На примере произведения Л. Н. Андреева «Кусака» рассматриваются особенности употребления и семантики средств выражения субъективно-модальных значений в художественных произведениях.

Ключевые слова: субъективная модальность, модальные частицы, интонация, междометие, синтаксический повтор.

WAYS TO IMPLEMENT SUBJECTIVE MODALITY IN LITERARY TEXT (ON THE EXAMPLE OF THE STORY OF L. N. ANDREEV "KUSAKA")

V.E. Petrova

The article reveals the concept of subjective modality and the ways of its expression in literary texts. On the example of the work of L. N. Andreev "Kusaka" examines the features of the use and semantics of the means of expressing subjective-modal meanings in works of art.

Keywords: subjective modality, modal particles, intonation, interjection, syntactic repetition.

ССЫЛКА С *WIE* КАК СПОСОБ ПЕРЕДАЧИ ЧУЖОГО ВЫСКАЗЫВАНИЯ В НЕМЕЦКОМ ЯЗЫКЕ

Шакирова Резеда Дильшатовна

доктор филологических наук, доцент, профессор кафедры
иностранных языков НГПУ, Набережные Челны, Россия
rez-shakirova2012@yandex.ru

Придаточные предложения с союзом *wie* (*wie ... behauptet wird, wie bereits... gezeigt wurde, wie ... meldet, wie ... mitteilte, wie TASS berichtet, wie ... feststellte, wie bereits geschrieben, wie wir schon sagten, wie wir ... feststellten, wie ... betont, wie bereits hervorgehoben, wie ... erwähnt wurde, wie ... informiert*) маркируют источник информации в немецком языке и их можно вслед за Е. С. Троянской [1] обозначить как ссылки с *wie*. Такие высказывания можно в какой-то мере отнести к проявлению языковой компрессии, которая, по справедливому замечанию М. В. Умеровой [2], представляет собой упрощение поверхностной структуры текста за счет повышения информативности языковых единиц в результате элиминирования отдельных компонентов, которые могут быть восстановлены из невербальной части текста, без ущерба для его информационной стороны. Иными словами, компрессия текста приводит к уменьшению формально-грамматических средств связи и повышению информативности речевых единиц [4].

Говоря собственно о ссылках с *wie*, следует отметить, что подобные высказывания можно подразделить на следующие две большие группы: 1) ссылки на текущую работу и 2) ссылки на работы других авторов. В противоположность к первой группе, в которой осуществляется повторное указание на саму работу как источника информации, во второй группе ссылаются на работы других авторов.

В качестве иллюстрации придаточных предложений с *wie* приведем следующие примеры:

Die Rollen, die die Kinder im Spiel übernehmen, machen sie mit Leben vertraut, weil, wie Bubinstein sagt, das Kind, wenn es eine Rolle

spielt, ... sich nicht einfach fiktiv in eine fremde Person versetzt ...". (N. Christensen, I. Launer).

Wie die Nachrichtenagentur Reuters berichtet, handelt es sich dabei um einem Mann aus dem US-Bundesstaat Utah (<https://www.welt.de>)

Nach der Tat beim Parlament wurden viele in die Kirche in Sicherheit gebracht, wie die britische Nachrichtenagentur PA berichtete (<https://www.welt.de>).

Neue Chefdiplomatin wird die bisherige Handelsministerin Liz Truss, wie die Regierung in London am Mittwoch mitteilte (<https://www.t-online.de/nachrichten>)

Wie das Londoner Landwirtschaftsministerium mitteilte, wirkte der 56-jährige Paterson seit 2010 als Nordirlandminister im britischen Kabinett (<https://www.agrarheute.com>).

Важно указать, что ссылки с *wie* не обладают значением косвенности в полном объеме, как способом передачи чужой речи, при котором воспроизводится содержание высказывания с выражением отношения говорящего к его достоверности. К последним мы относим в немецком языке конъюнктив косвенной речи, модальные глаголы *sollen* и *wollen* во вторичной функции [3]. Для экспликации полного объема косвенности ссылкам с *wie* необходимо либо употребление конъюнктивной формы глагола, либо использование инфинитивной конструкции с модальным глаголом *sollen* в главном предложении. Видимо, следует согласиться с утверждением Г. Кауфмана [5, с. 150] о том, что употребление конъюнктивных форм следует рассматривать как следствие родственности таких структур с воспроизведением содержания высказывания посредством косвенной речи. Заметим, что употребление конъюнктивной формы связано с подчеркиванием значения косвенности.

Глагол, входящий в состав ссылок с *wie*, предоставляет адресату информацию о способе ее получения и своей временной формой обозначает момент речи субъекта речи.

Анализ иллюстративного материала показал, что в составе ссылок с *wie* присутствуют в основном глаголы говорения в презенсе или претеритуме индикатива. Как правило, ссылки с *wie* содержат обозначение субъекта речи, хотя возможно отсутствие указания на источник знания, особенно при оформлении глагола в пассивной форме.

Приведем примеры:

Wie bereits erwähnt wurde, werden die in den Geschmacksknospen generierten Erregungen über Nervenfasern dem zentralen Nervensystem zugeleitet ... (E.-J. Speckmann).

Wie TASS berichtet, wies der russische Diplomat darauf hin, dass jene, wenn sie eine Realpolitik verfolgen wollten, "sich von der Realität leiten" lassen müssten (<https://de.rt.com>).

Wie der Sprecher des Weißen Hauses, Sean Spicer, weiter sagte, lässt sich Trump über die Ereignisse und Ermittlungen auf dem Laufenden halten. (<https://www.welt.de>).

Der bisherige Chefdiplomat Dominic Raab wechselt ins Justizministerium, wie der Regierungssitz Downing Street per Twitter mitteilte. (Hamburger Abendblatt).

Случаи оформления глагола в пассивной форме мы связываем с желанием адресанта акцентировать официальность характера повествования, например:

Sehr geehrte Studierende, wie Ihnen bereits mitgeteilt wurde, finden meine Sprechstunden ab der kommenden Woche immer Montag von 10-11.30 Uhr statt sowie zu den jeweiligen Seminarzeiten (https://kultur.ftmk.uni-mainz.de/files/2020/04/Sprechstundenkontakt_Anleitung.pdf).

Сфера употребления ссылок с *wie* связана в основном с двумя функциональными стилями современного немецкого языка: газетно-публицистическим и научным стилями. Если Г. Кауфманн [5, с. 149] подчеркивает специфичность описываемых ссылок для газетных сообщений и известий по радио, то Е. С. Троянская [1, с. 247] рассматривает их в качестве средств, обеспечивающих полноту информации текстов немецкой научной прозы. Как явствует из языкового материала, подвергнувшегося нашему исследованию, ссылки с *wie* представляют собой подобие клише, характеризующее газетно-публицистический и научный стили изложения.

В заключение следует подчеркнуть, что использование ссылок с *wie* связано со стремлением к лаконичности изложения при соблюдении информативной насыщенности, которое приводит по существу к компрессии как к одному из видов языковой экономии. Употребление описанных языковых единиц характерно прежде всего для официального регистра, их использование в разговорной речи придает высказыванию книжный характер.

ЛИТЕРАТУРА

1. Троянская Е. С. Лингво-стилистическое исследование немецкой научной литературы. – М.: Наука, 1982. – 309 с.
2. Умерова М. В. Языковая компрессия: виды и уровни реализации // Актуальные вопросы современной науки. – 2011. – № 17-1– С. 260–269.
3. Шакирова Р. Д. Косвенные способы передачи чужого высказывания в немецком языке // Современные исследования социальных проблем. – 2021. – Т. 13. – № 2-2. – С. 188–192.
4. Шокина, А.Б. Языковая компрессия в рекламном тексте // Вестник Московского университета. Серия 10. Журналистика. – 2009. – С. 189–195.
5. Kaufmann G. Die indirekte Rede mit ihr konkurrierende Formen der Redeerwähnung // Heutiges Deutsch. – 1976. – Reihe 3. – Bd. I. – 207 S.

В настоящей работе изучаются придаточные предложения с союзом *wie*, которые могут быть отнесены к одним из маркеров источника информации в немецком языке. Они характеризуют главным образом газетно-публицистический и научный стили, несмотря на то, что не обладают значением косвенности в полном объеме. Данный факт можно рассматривать как своего рода проявление языковой компрессии, под которой понимается упрощение структуры высказывания при сохранении информативной насыщенности.

Ключевые слова: ссылака с *wie*, немецкий язык, источник информации, газетно-публицистический стиль, научный стиль.

LINK WITH *WIE* AS A METHOD OF TRANSMITTING ANOTHER STATEMENT IN GERMAN

R. D. Shakirova

In this paper, we study the *wie*-conjugate clauses that can be attributed to one of the markers of the source of information in the German language. They characterize mainly the newspaper journalistic and scientific styles, despite the fact that they do not have the meaning of indirection in full. This fact can be regarded as a kind of manifestation of language compression, which is understood as a simplification of the structure of a statement while maintaining informative richness.

Keywords: link with *wie*, German, source of information, newspaper style, scientific style

ЯЗЫК И СТИЛЬ КЛАССИЧЕСКОЙ И СОВРЕМЕННОЙ РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

УДК 81'373

ИССЛЕДОВАНИЕ ПОСЛОВИЦ РУССКОГО ЯЗЫКА С КОМПОНЕНТОМ «ЕДА» В ИСТОРИКО-ЭТИМОЛОГИЧЕСКОМ И ЭТНОГРАФИЧЕСКОМ АСПЕКТАХ

Тарасов Александр Михайлович

кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры русского языка как иностранного и межкультурной коммуникации НГПУ,
Набережные Челны, Россия
alex_16-16@mail.ru

Пословицы и поговорки – жемчужины народного творчества, в которых отразился опыт, граненный веками и передаваемый из уст в уста, из поколения в поколение. Издавна русские пословицы собирались ценителями «красного слова», книжниками, филологами, ораторами, фольклористами. Изобилует пословицами знаменитый словарь В. И. Даля, в котором они используются в качестве контекстных иллюстраций. Коллекционерами пословиц был и царь Петр I, историк В. Н. Татищев, и многие писатели – А. С. Пушкин, Н. В. Гоголь, А. П. Чехов и др. [2, с. 3]

С XVIII в. появляются первые издания сборников пословиц. Монументальным трудом, издававшимся трижды, стала книга «Пословицы русского народа» В. И. Даля. В ней собиратель русских пословиц подытожил труды предшественников и расположил свой огромный материал по рубрикам – темам. До сих пор по количеству описанных пословиц собрание В. И. Даля никем не превзойдено. Из него в основном и черпают все, кто предлагает нашим читателям пословичный русский материал. [1, с.3]

Немало занимались пословицами и ученые-фольклористы, этнографы, литературоведы, лингвисты. Если в прошлом веке основной целью изучения пословиц и поговорок было познание «духа народа», то теперь многих интересуют и чисто языковые особенности этих единиц, их употребление в художественной речи;

взаимодействие с фольклорным фондом других народов, проблемы перевода на другие языки.

С течением времени менялась и точка зрения на термины «пословица» и «поговорка». Древнерусское слово *пословица* было многозначным: оно характеризовало и любой словесный договор, и соглашение между отдельными людьми, и «соумышление», и вообще — согласие, мир. Прежде не различали пословицы и поговорки. Знаменитое устойчивое сравнение из «Повести временных лет» — *погибоша, яко обри*, например, летописец называет именно пословицей. Постепенно в русской и зарубежной филологической и фольклористической традиции эти термины стали различаться достаточно четко. В. И. Даль выразил это, принятое уже в его время, разграничение ясно и лапидарно. Пословица, по его мнению, — это «коротенькая притча, суждение, приговор, поучение, высказанное обиняком и пущенное в оборот, под чеканом народности», поговорка же — «окольное выражение, переносная речь, простое иносказание, обиняк, способ выражения, но без притчи, без суждения, заключения... это одна первая половина пословицы» [1, с. 6]. К пословицам, следовательно, отнесены такие народные речения, как *Без труда не вынешь рыбку из пруда; Любишь кататься, люби и саночки возить; Ласковый теленок две матки сосет, а к поговоркам — погибоша яко обри, сваливать с больной головы на здоровую, чужими руками жар загребать* [2, с.3].

Информация, заключенная в пословицах, как правило, имеет двойную направленность. С одной стороны. Пословицы – это назидания, краткие рекомендации на различные случаи жизни. С другой стороны, пословицы – это хранилища прошлого уклада жизни, истории, культуры, слепки исчезнувших теперь образов и представлений.

До сих пор еще идет поиск объективной методики этимологического анализа пословиц: зачастую погоня за историческими и этнографическими фактами препятствует строго языковой аргументации достоверности той или иной гипотезы. И тем не менее многие пословицы уже расшифрованы весьма достоверно, чтобы служить надежным путеводителем по лабиринтам русской национальной культуры.

В данной работе при анализе пословиц обращаем особое внимание на историко – этимологический и этнографический комментарий пословиц русского языка с компонентом «еда».

Ешь пирог с грибами, держи язык за зубами. Не надо говорить ничего лишнего, лучше молчать. Происхождение пословицы связывают с конкретным историческим анекдотом. Слова *Ешь пирог с грибами, а язык держи за зубами* якобы принадлежат Гавриилу Извольскому, фавориту императрицы Елизаветы I, ее стремянному. Он часто получал от нее дорогие подарки, а однажды на именины получил пирог, начиненный серебряными рублями, в шутку названный императрицей «пирогом с грибами». Из-за грубости, зазнайства и особенно невоздержанности на язык он, однако, попал в опалу и даже был подвергнут допросам и пыткам в Преображенском приказе. После этого, когда при нем кто-либо хвастался милостями императрицы или близостью ко двору, он говорил фразу, ставшую пословицей. Этот анекдот, однако, вторичен, ибо пословица известна народной речи давно.

Кашу (каши) маслом не испортишь. Говорится, когда кто-либо высказывает сомнение по поводу чрезмерного количества чего – либо хорошего, полезного. Каша – одно из древнейших повседневных кушаний на Руси, которое варят из пшеницы, риса, гречневой, овсяной и других круп, на воде или молоке, жидкое или густое. По бытовым представлениям, которые отражены в пословице, – чем больше масла, тем каша вкуснее.

Хлеб – соль ешь, а правду режь. Правду следует говорить всегда, независимо от отношений с людьми, не замалчивая даже из чувства благодарности неприятные факты. Пословица связана с ритуальной и иной народной символикой хлеба и соли на Руси и у других народов. (*Без соли, без хлеба – половина обеда*). В старину особо уважаемым гостям при встрече подносили хлеб и соль; подносился кусочек хлеба с солью и во время присяги, причем – на кончике ножа; оделялись хлебом – солью и молодые на свадьбах. Буквальный смысл пословицы – в том, что стремление говорить истину важнее почестей и хлебосольства.

Отрезанный ломоть к хлебу (к караваю) не приставишь. О невозможности восстановить прежние связи с теми, кто бесповоротно изменил свою жизнь. Говорится кому – либо как предложение смириться с неизбежным, часто о детях, ставших

самостоятельными и живущих отдельно. Первоначально эта исконно русская поговорка употреблялась по отношению к выданной замуж дочери, уходившей из родительского дома в семью мужа. Позднее ее употребляли и об отделившихся от семьи сыновьях, имея в виду и права детей на наследство. Основа образа поговорки – материальное значение и обрядовая символика хлеба на Руси. Хлеб издавна пекли в основном из ржаной муки, т. е. черный хлеб. Из пшеничной муки выпекались булки, калачи, пироги – т. е. белый хлеб. Булки, калачи и т. п. имели различную форму, хлеб же – лишь круглую. Такой хлеб назывался караваем. Ломоть – большой плоский кусок такого каравая.

На чужой каравай рот (рта) не разевай. На чужое не рассчитывай; не надейся получить то, что принадлежит не тебе. Говорится как совет не стремиться к чужому, а обзаводиться своим. Пословица восточнославянская. Каравай (первоначально коровай) – большой хлеб круглой формы. Он имел издревле важное обрядовое значение, особенно на свадьбах, где был символом благосостояния новой семьи. Именно каравай вручался в качестве «хлеба – соли» почетным гостям. Такие обычаи известны и многим другим народам – у древних римлян, например, при бракосочетании молодые вкушали ритуальный хлеб. Обрядовость связана с древней символикой хлеба как источника плодородия, силы, любви, что, в свою очередь, отражает его роль как основного источника питания. Посягательство на чужой хлеб поэтому считалось грехом.

На халяву и укус сладкий. Дармовое привлекательно, даже если совсем не нужно. Говорят тем или о тех, кто активно пользуется чем-либо, обычно чужим, доставшимся легко и бесплатно. Жаргонное выражение *на халяву* в значении бесплатно, даром, являющееся частью поговорки, сформировалась на основе слова *халява*, имеющего праславянский корень и отражающего особо тесное взаимодействие восточнославянских и польского языков. Одни его значения и производные слова – «неряшливая, некрасивая женщина», «неряха, растрёпа» связаны с украинской и белорусской лексемой *халява (холява)* «голенище», «обмотки вокруг обуви или нижней части портков», имеющими параллели во всех славянских языках. Современное же значение – «бесплатный, получаемый за чужой счёт» – результат позднего развития языковой стихии

русского жаргона, благодаря его употреблению в составе оборота *на халяву*.

ЛИТЕРАТУРА

1. Даль В. И. Пословицы русского народа. Т. I-II. –М., 1984. – 288 с.
2. Словарь русских пословиц: ок. 1000 единиц / под ред. В. М. Мокиенко. – М., 2007. – 381 с.

Работа посвящена исследованию историко-этимологического и этнографического аспектов пословиц русского языка с компонентом «еда». В статье представлены источники происхождения пословиц и их историческое развитие.

Ключевые слова: пословицы, историко-этимологический и этнографический аспекты, компонент «еда».

STUDY OF RUSSIAN PROVERBS WITH THE COMPONENT "FOOD" IN HISTORICAL, ETYMOLOGICAL AND ETHNOGRAPHIC ASPECTS

A. M. Tarasov

The work is devoted to the study of historical, etymological and ethnographic aspects of proverbs of Russian language with the component "food". The article presents the sources of proverbs' origin and their historical development.

Keywords: proverbs, historical, etymological and ethnographic aspects, component "food".

ЯЗЫКОВЫЕ СРЕДСТВА ВЫРАЖЕНИЯ ГРАДАЦИИ В СТИХОТВОРЕНИЯХ В ПРОЗЕ И. С. ТУРГЕНЕВА

Гибайдуллина Файруза Асгатовна⁴

студентка филологического факультета НГПУ, учитель русского языка и литературы МБОУ «СОШ № 44», Набережные Челны, Россия
fayruzagibaydullina@gmail.com

Произведения словесного искусства богаты на употребление различных фонетических, лексических, синтаксических приёмов художественной выразительности. С помощью этих средств автор делает произведение более ярким, красочным, а сам текст уникальным и запоминающимся. Исследования в этой области в большей степени относятся к изучению особенностей функционирования тех или иных приёмов. Большая часть работ посвящена анализу употребления наиболее распространенных средств выразительности языка, среди которых центральное место отводится эпитетам, метафорам, сравнениям и т. п. В отличие от них, градация не так часто становится предметом исследований. Тем не менее, изучению различных аспектов функционирования градации посвящены работы С. М. Колесниковой, Ю. А. Воротниковой, Н. Д. Федяевой и др. [1, с. 12].

Под градацией в современной филологии понимается «цепь однородных членов с постепенным нарастанием (или убыванием) смысловой и эмоциональной значимости» [3, с. 113]. Указанный стилистический приём, как и любое другое средство выразительности языка, «активизирует восприятие слушателя (читателя), который соотносит иносказание с прямым обозначением предмета, как бы дешифрует речевой оборот, одновременно оценивая его меткость и выразительность» [6, с. 172]. Градацию выражают различные части речи и другие средства выразительности, которые становятся фундаментом словесного ряда.

⁴ Научный руководитель – канд. филол. наук К. А. Калинин

Рассмотрим языковые единицы, организующие градацию на примере стихотворений в прозе И. С. Тургенева (сборник «Sinilia»). Выбор для анализа произведений этого писателя неслучаен: «Прозаические тексты И. С. Тургенева дают прекрасные образцы русской словесности. Они отражают лучшие достижения развития образности речи, вобравшей в себя наиболее сильные средства художественной выразительности» [2, с. 19]. Нами были проанализированы лирико-прозаические миниатюры «Два четверостишия», «Воробей», «Старуха» и «Сон», в которых употребление приёма градации выражено наиболее ярко.

Интересным примером употребления градации являются строки стихотворения в прозе «Два четверостишия». В представленной лирико-прозаической миниатюре приём имеет ярко выраженную ораторскую тональность, что не характерно для текстов сборника «Sinilia». В произведении «Два четверостишия» градация оформляет выступление двух поэтов перед толпой, жаждущей зрелища. Первый стихотворец начинает свою речь фразой: «*Друзья! Товарищи! Любители стихов!*» [5, с. 210] Представленный отрывок является примером употребления восходящей градации. Стилистический приём, выраженный словесным рядом имён существительных и оформленный в виде риторических восклицаний, наполняет выступление особой торжественностью. Однако стоит учесть, что Юний, первый поэт, начинает исполнение обращением к толпе при помощи слова *друзья*, что показывает его отношение к народу не только как к слушателю, но и как к близкому товарищу.

Пример восходящей градации представлен и в отрывке: «*Все обращенные к нему **лица пылали** негодованием, все **глаза сверкали** злобой, **все руки поднимались, угрожали, сжимались в кулаки!***» [5, с. 210] В указанном фрагменте чувства разъяренной толпы усиливаются при помощи соединения в пределах одной синтаксической конструкции двух градационных рядов. Первый оформляется в сочетании с лексическим повтором определительного местоимения *все*, что позволяет выразить силу негодования огромной публики. Второй представлен в виде синонимического ряда, каждый элемент которого является глаголом с нарастающей экспрессивностью. Если первое слово лишь выражает нейтральное действие, то последнее указывает на угрозу физической расправы.

Это помогает подчеркнуть остроту чувства недовольства толпы после прочтения поэтом стихотворения. Это наблюдение подтверждается высказыванием Ю. А. Самсоновой, которая полагает, что градация «указывает на степень, определяет положительное или отрицательное мнение, суждение о ком-/чём-нибудь» [4, с. 119].

Первая строка произведения Юлия, второго поэта, является примером нисходящей градации, при которой исполнение открывает фраза: «**Любители стихов! Товарищи! Друзья!**» [5, с. 210] В приведенном фрагменте ряд существительных, начатый со словосочетания *Любители стихов*, акцентирует внимание на элементе, являющемся смысловым ядром всего произведения. Также эта фраза актуализирует и раскрывает значение строк, приведённых в начале стихотворения в прозе. Рассказчик акцентирует внимание на следующей информации: «*Существовал некогда город, жители которого до того страстно любили поэзию*» [5, с. 210]. Он с некоторой долей иронии описывает народ. Автор ставит фразу *Любители стихов* в начале градационного ряда не с целью описания толпы как ценителя искусства. И. С. Тургенев подчёркивает особенность публики, которая была восхищена стихотворением, начатым лестной фразой. Стоит отметить, что строки произведений двух поэтов, которые были приведены в начале и в конце лирико-прозаической миниатюры, организуют кольцевую композицию, что помогает оформить структурное и семантическое единство всего стихотворения в прозе.

В противовес реакции толпы на творение первого поэта автор приводит строки одобрения произведением Юния: «*Он одарил нас стихами **слаще** меду, **звучнее** кимвала, **душистее** розы, **чище** небесной лазури!*» [5, с. 210]. Представленный отрывок оформлен с помощью восходящей градации, основу которой составляют прилагательные в простой сравнительной степени. Неслучайно автор употребляет именно четыре компонента в ряду. И. С. Тургенев отмечает все основные типы восприятия мира человеком: вкусовой, слуховой, обонятельный и зрительный. Подобная конкретизация указывает на высшую оценку толпы творчества юного поэта.

Иную семантику слов позволяет раскрыть градация в стихотворении в прозе «Воробей». В отрывке: «*Он **ринулся** спасать, он **заслонил** собою свое детище... но всё его маленькое тело трепетало от ужаса, голосок одичал и охрип, он **замирал**, он*

жертвовал собою!» [5, с. 206] словесный ряд с усиливающейся экспрессивностью представлен в сочетании с лексическим повтором личного местоимения *он*. Восходящую градацию оформляют глаголы *ринулся, заслонил, замирал, жертвовал*. Стоит отметить, что словесный ряд начинается разговорной лексемой бытового характера и завершается глаголом с поэтическим звучанием. Он является смысловым ядром произведения. Понятие *жертва* – предмет обсуждения философии, который указывает на глубоко нравственную и семантически возвышенную категорию. Помимо актуализации значения слова, градация, выраженная глаголами действия, указывает на резкую смену событий, связанных с главным героем. В представленном ранее фрагменте градация служит для усиления динамики происходящего. Кроме того, расстановка глаголов в порядке преумножения экспрессивности, позволяет читателям прочувствовать сильнейшую тревогу, испытываемую маленьким «спасителем».

Имена прилагательные чаще всего становятся компонентом градационного ряда. Они помогают автору ярко и красочно описать предмет или явление, выразить оценку и передать эмоции. В стихотворении в прозе «Старуха» прилагательные в градационном ряду выполняют перечисленные функции. Интересен следующий отрывок: *«И вот опять слышу я за собою те же **легкие, мерные, словно крадущиеся** шаги»* [5, с. 207]. В нём градационный ряд, оформленный контекстуальными синонимами, служит для описания смерти в образе старухи. Это способствует усилению выразительности изображаемого. Кроме того, приведенные прилагательные и причастие помогают воссоздать гнетущую и мрачную атмосферу.

Стоит отметить ещё один пример градации в произведении. В отрывке: *«Она смотрит на меня **большими, злыми, злоецими** глазами... глазами хищной птицы...»* [5, с. 207] градационный ряд дополнен лексическим повтором слова *глаза*. Подобное соединение в пределах одной синтаксической конструкции двух стилистических приёмов не только служит для усиления выразительности, но и преумножает функциональные возможности каждого из средств. В примере градация, построенная с помощью имён прилагательных, дополняет портретную характеристику образа. Кроме того, последние два компонента словесного ряда являются

однокоренными, что способствует выражению признака, усиленного более ярким и эмоционально окрашенным словом.

Градационный ряд также может быть построен на сочетании имён существительных. В лирико-прозаической миниатюре «Сон» градация используется для конкретизации описываемых событий. В отрывке: «*Чудилось мне, что я нахожусь где-то **в России, в глуши, в простом деревенском доме***» [5, с. 212] автор использует нисходящую градацию для указания от общего к частному. Подобная конкретизация помогает уточнить место происходящих событий.

Слова категории состояния также могут становиться основой градационного ряда: «*А мальчик нет, нет — да запищит. Ах, как бы уйти отсюда! **Как душно! Как темно! Как тяжело!**.. Но уйти невозможно.*» [5, с. 212]. Приём оформлен внутри другого средства выразительности. Восходящая градация, выраженная словами категории состояния, дополняется многократными риторическими восклицаниями. Подобное смешение языковых компонентов усиливает чувства, испытанные героем. Стоит отметить, что словесный ряд внедрен в синтаксическую конструкцию с лексическим повтором, организующим кольцевую композицию. Градация в приведенном фрагменте указывает на невозможность исполнения желаемого.

Интересен пример употребления градации в предложении: «*Всё задрожало вокруг — а там, в этой налетающей громаде, **и треск, и гром, и тысячегортанный, железный лай***» [5, с. 212] В приведённом фрагменте словесный ряд представлен контекстуальными синонимами. Имена существительные выстроены в следующей последовательности: от более приземленного к самому яркому компоненту конструкции. Усиливают передаваемое значение и дополняющие эпитеты *тысячегортанный* и *железный*. Каждый из элементов градационного ряда становится символом шума, нарушающего душевный покой лирического героя.

В предложении: «*Я хотел было ухватиться за товарищей, но мы уже все **раздавлены, погребены, потоплены, унесены** той, как чернила черной, льдистой, грохочущей волной!*» [5, с. 212] градация представлена глаголами. Градация, построенная на усилении слов, выражающих действие, не просто служит для создания ритма прозаического текста. Данный приём способствует

передаче чувства безысходности, которое становится понятным по последнему компоненту градационного ряда.

Приведенный анализ материала сборника «Sinilia» И. С. Тургенева позволяет сделать вывод о многоаспектности выражения градации. Основу словесного ряда составляют имена существительные, прилагательные, глаголы, слова категории состояния, которые могут выступать контекстуальными синонимами, эпитетами, сравнениями и т. д. Подобные способы выражения градации создают динамику прозаического текста, актуализируют скрытую семантику слов и выводят на передний план элемент, который становится смысловым ядром фрагмента. Всё это делает градацию одним из интереснейших средств выразительности языка.

ЛИТЕРАТУРА

1. Гибайдуллина Ф. А. Роль градации в организации стихотворений в прозе И. С. Тургенева // Вестник НГПУ. – 2021. – № 4 (33). – С. 11–13.
2. Калинин К. А. Грамматический параллелизм конструкций в ритмичной прозе И. С. Тургенева // Русская словесность и современная школа. – Набережные Челны, 2020. – Вып. 4. – С. 19–24.
3. Мещеряков В. П., Козлов А. С., Кубарева Н. П., Сербул М. Н. Введение в литературоведение. Основы теории литературы: учебник для вузов. – М.: Юрайт, 2021. – 381 с.
4. Самсонова Ю. А. О соотношении категории оценки и градуальности в современном русском языке // Ярославский педагогический вестник. – Ярославль, 2013. – № 3. – Том 1. Гуманитарные науки. – С. 117–123.
5. Тургенев И. С. Повести. Стихотворения в прозе. – Ростов-на-Дону, 1977. – 240 с.
6. Чернец Л. В., Семёнов В. Б., Скиба В. А. Школьный словарь литературоведческих терминов. – М.: Просвещение, 2007. – 352 с.

Вопрос изучения градации как стилистического приема, обладающего широким диапазоном функциональных возможностей, остается открытым. По этой причине предметом рассмотрения настоящей статьи становятся языковые средства выражения градации в художественном тексте. Указанный аспект изучения градации предложен на примере стихотворений в прозе И. С. Тургенева. Результатом исследования является определение многоаспектности выражения рассматриваемого стилистического приёма.

Ключевые слова: градация, словесный ряд, стилистический приём.

**LANGUAGE MEANS OF EXPRESSING GRADATION IN POEMS IN
I. S. TURGENEV'S PROSE
F. A. Gibaydullina**

The question of studying gradation as a stylistic device with a wide range of functional capabilities remains open. For this reason, the subject of this article is the linguistic means of expressing gradation in a literary text. This aspect of the study of gradation is proposed on the example of poems in prose by I. S. Turgenev. The result of the research is to determine the multidimensionality of the expression of the considered stylistic device.

Keywords: gradation, word line, stylistic device.

**ЛЕКСЕМА «ДУША» В РОМАНЕ Ф. М. ДОСТОЕВСКОГО
«БРАТЬЯ КАРАМАЗОВЫ» С ТОЧКИ ЗРЕНИЯ ПРАГМАТИЧЕСКОЙ
ЛИНГВИСТИКИ**

Сафонова Светлана Григорьевна

кандидат филологических наук, Набережные Челны, Россия
safonovasvetlana2019@mail.ru

Семантика лексемы «душа» в русской языковой картине мира достаточно широка и разнообразна. Прежде всего, семантика этого слова неразрывно связана с религией, православием. Художественные произведения Ф. М. Достоевского репрезентируют большое количество семантических вариантов этой лексемы и ее производных. В романе «Братья Карамазовы», как наиболее религиозно значимом в творчестве писателя, лексема «душа» вербализируется как догматическое понятие, употребляемое в религиозном стиле речи, и как нейтральная лексема, употребляемая в речи представителей разных слоев общества XIX в. Семантику лексемы «душа» в романе обуславливают в том числе и различные речевые ситуации, в которые автор помещает персонажей произведения. Таким образом, мы можем рассматривать прагматический аспект репрезентации данной лексемы в романе «Братья Карамазовы».

Лингвистическая прагматика изучает функционирование языковых единиц в различных речевых ситуациях. Исследование языка с прагматической точки зрения предполагает толкование текста, поиск скрытого смысла, определение контекста языковой единицы, интенции и реакции на вербальные и невербальные сообщения [1, с. 87]. Прагматическая лингвистика рассматривает употребление лексемы в речи как ответы на вопросы «С какой целью употреблено слово?» и «При каких условиях правомерно употребление данного слова с данной целью?» [2, с. 186].

Рассмотрим репрезентацию лексемы «душа» в романе Ф. М. Достоевского «Братья Карамазовы» в прагматическом аспекте.

«Меня эти невинные глазки как бритвой тогда по душе полоснули», — говаривал он потом, гадко по-своему хихикая» [3, с. 5]. В высказывании Федора Павловича Карамазова лексема «душа» означает «внутренний, психический мир человека, его сознание» [4, с. 171]. Разговорное выражение «как бритвой по душе полоснули» в сочетании с уменьшительно-ласкательной формой слова «глаза» - «глазки» является своего рода имплицатурой, выявляющей дополнительный смысл данной реплики: Федор Карамазов питал к Софье Ивановне всего лишь мимолетное «сладострастное влечение». Эта итоговая отрицательная коннотация подчеркивается речевой ситуацией, в данном случае представленной образным словосочетанием «гадко хихикая».

«По всем признакам злобная и мелко-надменная душонка», — пролетело в голове Миусова» [3, с. 46]. Интересно заметить, что данное высказывание является внутренней речью персонажа и обращено им к самому себе. Пренебрежительный суффикс -онк-лексемы «душа», сочетаясь с адъективами «злобная» и мелко-надменная», составляет имплицатуру, несущую в себе отрицательную, пренебрежительную коннотацию. Это доказывает и соответствующая речевая ситуация, представленная художественным текстом Ф. М. Достоевского: *«Вообще он был очень недоволен собой»* [3, с. 46].

Предложение *«Душу мне иссушил»* [3, с. 55] входит в состав реплики диалога, ведущегося между старцем и простой крестьянской женщиной, приехавшей к нему поделиться своим горем. Крестьянка говорит о своем умершем в раннем возрасте сыне, которого она не может забыть. Образное разговорное выражение «иссушил душу» сопровождается имплицатурой, раскрывающей внутреннее, душевное состояние женщины: ее горе настолько велико, что она чуть ли не физически его ощущает и хочет от него избавиться.

Слова утешения, высказанные старцем, также содержат лексему «душа», но представленную уже в богословской, догматической семантике: *«Ведь жив он, жив, ибо жива душа вовеки; и нет его в доме, а он невидимо подле вас»* [3, с. 57], где «душа» означает «составная, субстанциональная часть человеческой сущности, обладающая свойствами, отображающими Божественные совершенства» [5, с. 26] и «сверхъестественное, нематериальное

бессмертное начало в человеке, продолжающее жить после его смерти» [4, с. 171]. В высказывании старца прослеживается религиозная пресуппозиция о духовном бессмертии человека.

В диалоге со старцем унтер-офицерская вдова пересказывает совет купчихи: *«Душа-то его, говорит, затоскует, он и напишет письмо»* [3, с. 58]. Понятие «душа» здесь вербализируется в значении «сознание человека, его внутренний мир». Суффикс -то обращает внимание адресата речи, старца, на религиозную, духовную составляющую совета купчихи поставить свечку за упокой давно не пишущего матери сына: именно душа отреагирует на подобное действие. Ответ старца представляет собой восклицательное предложение, где интонация отражает такие его эмоции, как негодование и гнев: *«<...> Да и как это возможно, чтобы живую душу да еще родная мать за упокой поминала!»* [3, с. 58]. Реплика содержит импликацию категоричной недопустимости вышеописанного действия и репрезентирует лексему «душа» в значении «человек».

«Разреши мою душу, родимый, — тихо и не спеша промолвила она, стала на колени и поклонилась ему в ноги» [3, с. 58]. Устойчивое сочетание «разрешить душу» в данном контексте означает «освободить от грехов», а в совокупности с данной речевой ситуацией добавляется импликация «выслушать». Обращение к старцу «родимый» и употребление глагола повелительного наклонения второго лица единственного числа, иными словами обращение на «ты», показывает душевную простоту и наивность молодой крестьянки.

«О, я понимаю, что вас любит народ, я сама люблю народ, я желаю его любить, да и как не любить народ, наш прекрасный, простодушный в своем величии русский народ!» [3, с. 60]. В данном высказывании используется производное определение от лексики «душа» - «простодушный», имеющее значение «бесхитростный и добрый» [4, с. 576]. Реплика характеризует помещицу как женщину эмоциональную, восторженную, об этом свидетельствуют лексические повторы слов «любить» и «народ», а также восклицательная интонация предложения и междометие «о».

«Послушайте, вы целитель, вы знаток души человеческой; я, конечно, не смею претендовать на то, чтобы вы мне совершенно верили...» [3, с. 63]. Реплика содержит лексему «душа» в значении

«внутренний мир человека» и соотносящееся с ней определение «человеческая». Несмотря на то, что сочетание «душа человеческая» можно считать плеоназмом, здесь адъектив используется персонажем для большей выразительности своей речи и большего воздействия на адресата высказывания, старца, апеллируя к его духовному опыту. Следует добавить, что высказывание содержит пресуппозицию «старец – знаток души человеческой» и импликатуру «вы должны мне поверить».

«По мере того как будете преуспевать в любви, будете убеждаться и в бытии Бога, и в бессмертии души вашей. Если же дойдете до полного самоотвержения в любви к ближнему, тогда уж несомненно уверуете, и никакое сомнение даже и не возможет зайти в вашу душу» [3, с. 64]. Ответная реплика старца репрезентирует лексему «душа» как «бессмертное начало в человеке» и как «внутренний мир человека». Старец высказывает свою пресуппозицию «любовь неразрывно связана с верой».

«Не пугайтесь никогда собственного вашего малодушия в достижении любви, даже дурных при этом поступков ваших не пугайтесь очень» [3, с. 66]. В высказывании репрезентируется лексема «малодушие», производная от лексемы «душа» и означающая «отсутствие твердости духа, решительности, мужества» [4, с. 576]. Говорящий, старец Зосима, демонстрирует импликатуру «на пути к истинной любви всегда будут препятствия».

«Я думал... я думал, — как-то тихо и сдержанно проговорил он, — что я приеду на родину с ангелом души моей, невестой моей ...» [3, с. 84]. Образная метафора «ангел души», вербализированная в речи Дмитрия Карамазова, демонстрирует пресуппозицию персонажа, Дмитрий говорит о чистой любви к своей невесте, а синтаксический строй предложения, в котором предикативы выражены глаголами прошедшего «думал» и будущего «приеду» времени, составляют импликатуру невозможности этого действия на данный момент.

«Эх, Миша, душа его бурная» [3, с. 93]. Данную реплику высказывает Алексей Карамазов в диалоге с Ракитиным в защиту Ивана Карамазова. Эпитет «бурный» в данной речевой ситуации означает «страстный, неистовый» [4, с. 60] и имеет положительную коннотацию в данной речевой ситуации, что подтверждается контекстом следующих предложений: *«В нем мысль великая и*

неразрешенная. Он из тех, которым не надобно миллионов, а надобно мысль разрешить» [3, с. 93].

Лексема «душа», репрезентируемая в определенной семантике, характеризует речевой портрет персонажа романа: *Милости просим от всего сердца, — ответил игумен. — Господа! Позволю ли себе, — прибавил он вдруг, — просить вас от всей души, оставив случайные распри ваши, сойтись в любви и родственном согласии, с молитвой ко Господу, за смиренною трапезою нашей...* [3, с. 99]. В данной реплике лексемы «сердце» и «душа» являются контекстуальными синонимами, вербализирующими искренне намерение игумена прекратить спор. Игумен также употребляет слова с самоуничижительной коннотацией: «позволю ли себе», «смирренная трапеза», что, с одной стороны, призвано охарактеризовать игумена как человека, придерживающегося монашеского смирения, но, с другой стороны, содержит импликацию – призыв к другим персонажам исправить их отнюдь не смиренное поведение.

Федор Карамазов часто использует лексему «душа» для описания своего внутреннего мира в образных разговорных выражениях – сравнительных оборотах. В большинстве случаев эти сравнения несут в себе коннотацию опасности, вреда или даже смерти. В качестве примера можно привести проанализированное выше сравнение *«как бритвой <...> по душе полоснули»* и *«Душа у меня точно в горле трепещет в эти разы», — говорил он иногда»* [3, с. 106]. Сравнивая свое эмоциональное состояние с определенными эмоциональными ощущениями, в последнем примере Федор Карамазов демонстрирует импликацию духовного страха и потрясения. Федор Карамазов использует лексему «душа» и по отношению к другим персонажам романа. Практически всегда данная лексема содержит отрицательную коннотацию, придаваемую ей определениями: *«Ну и убирайся <...>, лакейская ты душа»* [3, с. 142]. *«Тебе подсматривать здесь за мной хочется, вот тебе чего хочется, злая душа, оттого ты и не поедешь?»* [3, с. 154]. Отрицательная коннотация лексемы «душа», характеризующая персонажей романа от лица Федора Карамазова, может выражаться также при помощи местоимения и отрицательной частицы «не»: *«Откуда такой появился? Не наша совсем душа»* [3, с. 195].

«Да ведь я тебя для чего же и звал-то, для чего и желал, для чего алкал и жаждал всеми изгибами души и даже ребрами?» [3, с. 119].

Риторический вопрос Дмитрий Карамазова представляет собой импликацию-утверждение цели приглашения Алеши Карамазова. Юмористическую коннотацию высказыванию придает сочетание возвышенной лексики «алкал и жаждал» и сниженной «жаждал ребрами» и является элементом речевой характеристики героя как человека эмоционального. Использование лексемы «душа» в подобном аспекте прослеживается в речи Дмитрия Карамазова достаточно часто. Например, «*Не стану жидка из души тянуть*» [3, с. 121] в значении «не буду тянуть время». *У меня деньги — аксессуар, жар души, обстановка* [3, с. 124]. Несмотря на то, что целью данного высказывания служит оправдание персонажем своего отношения к деньгам, здесь прослеживается бессознательная импликация важности и необходимости денег для Дмитрия, выраженная в словосочетании «жар души».

Говоря о себе, Дмитрий Карамазов неоднократно вербализирует лексему «душа» с самоуничижительной коннотацией. Например, посредством адъектива «ничтожный», употребленного в сравнительной степени: «*<...>знаю, что я в миллион раз ничтожнее душой, чем она...*» [3, с. 133]. В сочетании с лексемой «ад», сопровождающейся явно отрицательной коннотацией и в данной речевой ситуации значащей «трудные жизненные обстоятельства»: «*Пусть он мне даст только три тысячи из двадцати восьми, только три, и души мою из ада извлечет, и зачтется это ему за многие грехи!*» [3, с. 136]. В этих высказываниях прослеживается суппозиция героя – его уверенность в ничтожности собственной души. Вербализируя лексему «душа» по отношению к другим персонажам романа, Дмитрий Карамазов вкладывает различные оттенки смысла: от почти отрицательной коннотации («*Говори, душа простолюдина!*» [3, с. 461]) до положительной («*Понимаю, понял и оценил, и еще более ценю настоящую вашу доброту со мной, беспримерную, достойную благороднейших душ*» [3, с. 521]), но с оттенком подобострастия, или даже почти ласкательной («*Стой, Трифон Борисыч, стой, душа, сам решу*» [3, с. 463]).

Схожую суппозицию демонстрирует Алексей Карамазов посредством определения «мелкий»: «*Я не знаю, как вы, Lise, но я считаю про себя, что у меня во многом мелкая душа*» [3, с. 243] или посредством сравнительного оборота: «*У вас душа веселее, чем у*

меня; вы, главное, невиннее меня, а уж я до многого, до многого прикоснулся...» [3, с. 245]. Отношение Алексея Карамазова к чужим душам отличается от отношения его отца, Федора Карамазова - используя данную лексему в высказываниях, обращенных к другим персонажам, Алеша использует только положительную коннотацию: «У вас благородная душа вы должны это понять, должны!» [3, с. 234].

Таким образом, мы можем сделать вывод, что лексема «душа», выполняя прагматическую функцию в речевых ситуациях героев романа, является элементом речевой характеристики персонажей: их внутреннего мира, отношения к Богу и к другим людям.

ЛИТЕРАТУРА

1. Арутюнова Н. Д. Прагматика: Лингвистический энциклопедический словарь – М., 1990.
2. Ноуэлл–Смит П. Х. Логика прилагательных // Новое в зарубежной лингвистике. Лингвистическая прагматика. – М.: Прогресс, 1985. – Вып.16. – С. 185–195
3. Достоевский Ф.М. Собрание сочинений в 15 томах. Т. 9. Братья Карамазовы. Л.: Наука. Ленинградское отделение, 1989–1996.
4. Ожегов С. И., Шведова Н. Ю. Словарь русского языка. – М.: Азъ, 2013. – 874 с.
5. Ветхий завет. Книга Бытия – [Электронный ресурс]. <https://azbyka.ru/biblia/?Gen.1&r> (дата доступа: 05.11.2021).

Целью исследования, раскрытого в данной статье, является анализ репрезентации лексемы «душа» в романе Ф. М. Достоевского «Братья Карамазовы» в прагматическом аспекте. В статье рассматриваются способы репрезентации лексемы «душа», обусловленные семантикой данной лексемы, ее контекстом и вербализацией в различных речевых ситуациях.

Ключевые слова: прагматическая лингвистика, лексема, вербализация, импликатура, пресуппозиция.

THE LEXEME "SOUL" IN F. M. DOSTOEVSKY'S NOVEL "THE BROTHERS KARAMAZOV" FROM THE POINT OF VIEW OF PRAGMATIC LINGUISTICS.

S. G. Safonova

The aim of the research disclosed in this article is to analyze the representation of the lexeme "soul" in the novel "The Brothers Karamazov" by FM Dostoevsky in a pragmatic aspect. The article discusses the ways of representation of the lexeme "soul", conditioned by the semantics of this lexeme, its context and verbalization in various speech situations.

Keywords: pragmatic linguistics, lexeme, verbalization, implicature, presupposition.

ЛЕКСИКО-СЕМАНТИЧЕСКАЯ ГРУППА КАК СЕМАНТИЧЕСКИЙ КЛАСС СЛОВ (НА МАТЕРИАЛЕ СТИХОТВОРЕНИЙ С. ЕСЕНИНА)

Постовит Елизавета Александровна

студентка Горловского института иностранных языков,
Горловка, ДНР
liza.postovit@yandex.ua

К классам слов, которые, по мнению Д. Н. Шмелева, имеют «определенные языковые показатели», можно отнести части речи, лексико-грамматические разряды, лексико-семантические группы и синонимические ряды. Перечисленные классы представлены в одном ряду прежде всего потому, что в их основе лежит сходство слов по семантическим компонентам значений. Различаются они в зависимости от количества и качества сем, лежащих в основе этих классов и являющихся общими для всех слов, входящих в данный класс.

Самыми широкими классами слов считаются части речи. Они объединяют в себе слова, сходство которых минимально, т. е. в значениях этих слов есть лишь одна общая сема категориально-грамматического характера: 'предметность' в именах существительных, 'действие' в глаголах, 'признак предмета' в значениях имен прилагательных и т.д. Перечисленные семы повторяются в тысячах русских слов, что определяет максимальную широту грамматических классов. Слова каждой части речи характеризуются регулярным формальным сходством, связанным с определенными способами выявления в их морфемной структуре общих и частных грамматических значений. Содержание грамматических значений и способы их выражения в рамках отдельных частей речи составляют основной предмет морфологии. Внутри частей речи существуют классы слов лексико-грамматического характера – разряды, например, качественные и относительные прилагательные, переходные и непереходные глаголы, собственные и нарицательные существительные и т.п. Основой объединения слов в разряды являются не только

категориально-грамматические семы, но и уточняющие их лексико-грамматические семы, которые не имеют формальных показателей в морфемной структуре слов. Например, прилагательные *медленный* и *влюбленный*, *задиристый* и *порывистый*, *гнилой* и *усталый* сходны по своей морфемной структуре, поскольку в их основах представлены одни и те же суффиксы *-енн-*, *-ист-*, *-л-*. Но внутри пар данные аффиксы семантически противопоставлены по семам 'качественность' и 'относительность', которые уточняют категориально-грамматическую сему 'признак предмета' и относят соответствующие прилагательные к разным лексико-грамматическим разрядам. Не имея различий в своей морфемной структуре, слова, относящиеся к одному разряду, тем не менее характеризуются определенными грамматическими различиями. Так, парадигма переходных глаголов шире, чем парадигма непереходных за счет наличия у первых форм страдательного залога. Например, *Я **смотрел** из окошка на синий платок, / Кудри черные змейно **трепал** ветерок* [3, с. 27]. Выделенные в стихотворении С. Есенина глагол *смотрел* является непереходным, так как не может сочетаться с существительным *окошко* без употребления предлога. Следовательно, он не может быть употреблен в страдательной конструкции. Напротив, глагол *трепал* – переходный, так как может сочетаться с именем существительным *кудри* в В.п. Он может приобретать грамматическое значение страдательного залога.

Парадигма качественных прилагательных отличается от парадигмы относительных наличием форм сравнительной степени. Например, выделенное качественное прилагательное *тихий* в строках *Все мне чудился **тихий** раскованный звон* [3, с. 27] характеризуется наличием форм сравнительной и превосходной степеней. Ср.: *тихий – тише, более (менее) тихий, тишайший, наиболее (наименее) тихий, самый тихий, тише всех.*

Указанные классы слов описаны в ряде работ отечественных лингвистов (в их числе В. В. Виноградов, Н. М. Шанский, А. Н. Тихонов, С. В. Рябушкина, А. В. Бондарко, И. А. Никандрова). Объектом исследовательского интереса являются и лексико-семантические группы (см. работы Шарандина А. А., Демидович Т. В., Чертыковой М. Д., Шипицыной Г. М., Виноградовой М. В.). Однако данный вопрос не рассматривался на

материале поэзии С. Есенина, что обуславливает актуальность данной работы.

Цель статьи – описание лексико-семантической группы как семантического класса слов. Материалом исследования являются тексты стихотворений С. Есенина.

С точки зрения лексической системы лексико-семантические группы (далее – АСГ) – один из основных типов классов слов, которые имеют помимо грамматических сем категориально-лексическую архисему или «гиперсему (родовую сему), обозначающую класс объектов: растение, животное, глаголы речи и др.» [5, с. 72]. Такие семы занимают в семантике слов промежуточное положение между грамматическими семами. Например, в значении глагола *смотреть* есть грамматические семы 'действие', 'непереходность' и категориально-лексическая сема 'направление' (ср.: «на кого-что, во что, с придат. дополнит. Направлять взгляд куда-л., чтобы увидеть» [2, с. 1219]).

В основу отдельных лексико-семантических групп входят категориально-лексические семы, не имеющие формальных средств своего выражения, например: глаголы мышления (*помнить, думать, понимать, размышлять, ожидать*, и т.д.), имена прилагательные, обозначающие вкус (*сладкий, острый, горький, солёный, кислый, пресный* и др.), имена существительные со значением чувство (*злость, зависть, любовь, обида, удивление, интерес* и т. п.).

Внутри АСГ выделяются подпарадигмы, в которых языковые единицы связаны как категориальной, так и дифференциальной семами. Например, в АСГ глаголов приобщения объекта в качестве такой подгруппы может быть интерпретирован ряд глаголов с дифференциальной семой 'местонахождение объекта'. В словарных статьях этих глаголов (в их числе *вынуть, вырвать, достать, вытащить, заимствовать, зачерпнуть, откопать, поднять, снять, черпать* и др.) указывается на то, где находится приобщаемый объект. Так, в стихотворениях С. А. Есенина функционируют лексемы *доставать* и *зачерпнуть*, относимые к указанной подгруппе. Ср.: *Пахарю – чтоб плуг его и кляча / Доставали хлеба на года* [3, с. 231]; *Взбрезжи, полночь, луны кувшин / Зачерпнуть молока берез!* [3, с. 154].

В группе имен существительных со значением *чувство* тоже могут быть выявлены некоторые подгруппы. Например, А. Д. Столяренко выделяет моральные (*любовь, сострадание, доброжелательность, гуманность, преданность*), интеллектуальные (*удивление, любознательность, сомнение*), эстетические (*восхищение, восторг, блаженство*), и практические (*скука, радость, мука, удовлетворение, увлеченность, азарт, энтузиазм, усталость*) чувства [7].

При этом каждое слово может входить в несколько подгрупп в зависимости от характера и количества его дифференциальных сем и объединяться в них с разными словами. Например, лексема *любовь* может входить, как было отмечено выше, в подгруппу моральные чувства. Ср.: *Лиходейная разлука, / Как коварная свекровь. / Унесла колечко щука, / С ним – милашкину любовь* [3, с. 19]; *Теперь любовь моя не та* [3, с. 149]; *Я не знал, что любовь – зараза, / Я не знал, что любовь – чума* [3, с. 179]. По семе 'внушаемое, вызываемое кем-, чем-либо' данное слово сближается с лексемами *сострадание, сочувствие*, в значении которых имеется указание на субъект, вызывающий называемое чувство. Ср.: «Любовь – чувство глубокой привязанности к кому-, чему-либо; чувство расположения, симпатии к кому-л. О человеке, внушающем такое чувство» [2, с. 509]; «Сострадание – сочувствие, жалость, вызываемые чьим-либо страданием, несчастьем» [2, с. 1241]; «Сочувствие – отзывчивое, участливое отношение к горю, переживаниям кого-либо» [2, с. 1244].

С другой стороны, анализируемая лексема может быть отнесена и к подгруппе интеллектуальные чувства с дифференциальной семой 'стремление, склонность, тяготение к чему-либо'. Ср.: «Любовь – внутреннее стремление, влечение, склонность, тяготение к чему-либо; пристрастие, предпочтение чего-либо» [2, с. 509]; «Устремление – настойчивое влечение, тяготение, стремление к чему-либо, к достижению какой-либо цели» [2, с. 1403] и др.

Минимальные подпарадигмы, которые существуют в рамках отдельных АСГ, образуют ряды синонимов, т. е. словономатем с идентичными значениями, например: *впадать – вваливаться – погружаться* [1, с. 66]; *извлечь – получить – выжать – вынуть* [1, с. 156]; *отнять – отобрать – лишить – забрать – выхватить – вырвать* [1, с. 307]; *чувство – ощущение – эмоция – переживание – чувствование* [1, с. 552]. Ученые отмечают, что в данных

синонимических рядах приводятся абсолютные синонимы или номинативные варианты, в значениях которых представлены одинаковые наборы семантических компонентов. Так, за словом *чувство* в русском языке закреплено значение «способность живого существа воспринимать психофизические ощущения, реагировать на внешние раздражители» [2, с. 1484]. Ср.: *Знаю, **чувство** мое перезрело, / А твое не сумеет расцвести* [3, с. 198]; *И словами и **чувствами** новыми / Успокоила сердце и грудь* [3, с. 236]; *Быть поэтом – это значит то же, / Если правды жизни не нарушить, / Рубцевать себя по нежной коже, / Кровью **чувств** ласкать чужие души* [3, с. 267].

Вербальный знак *чувствование* трактуется как, во-первых, «процесс действия по гл. *чувствовать*», во-вторых, «результат такого действия» [4]. Лексема *ощущение* выражает несколько значений: и «к глаголу *ощутить*», и «психический процесс, заключающийся в отражении органами чувств отдельных свойств материального мира, начальная ступень познавательной деятельности», и «состояние, чувство, впечатление, вызванное чем-л.» [4]. Член синонимического ряда *переживание* определяется как «к *переживать*» и «душевное состояние, вызванное какими-л. сильными ощущениями, впечатлениями» [1]. Отметим, что в стихотворениях С. Есенина перечисленные лексеммы не зафиксированы.

Итак, основным для лексической системы типом классов слов являются ЛСГ. Слова одной группы обладают рядом общих лингвистических характеристик.

Во-первых, основная парадигматическая особенность слов одной ЛСГ заключается в том, что в их значениях имеется единая категориально-лексическая сема. Она составляет семантическую основу группы и в каждом отдельном слове уточняется с помощью дифференциальных сем. Например, в значении имени существительного *тоска*, т.е. «тяжелое гнетущее чувство, душевная тревога, грусть, уныние» [4], можно выделить категориально-лексическую сему ‘чувство’ и дифференциальные семы ‘тяжелое’, ‘гнетущее’. Ср.: *Кругом с **тоской** глубокою / Плывут в страну далекую / Седые облака* [3, с. 17]; *Не нашлось мое колечко, / Я пошел с **тоски** на луг* [3, с. 19].

Во-вторых, наличие сходных по типу сем связывает все лексеммы в пределах группы определенными оппозициями. Сочетание всех

оппозиционных связей образует внутреннюю парадигматическую структуру таких групп. Данная структура носит иерархический характер, так как все элементы – лексические единицы – привативно связаны с опорным словом (архисемой).

Семантическая соотнесенность слов одной и той же ЛСГ зачастую сопровождается формальным (морфемным) сходством. В семантических группах существуют типичные корневые морфемы, представленные в целом ряде слов. Для глаголов приобщения такими морфемами являются корень *-бр-/-бер-/-бир-* (*избирать, забрать, собирать, отобрать, подобрать*, и др.) и корень *-ня-/-ним-* (*занять, нанять, вынимать, снять*, и др.). Кроме того, слова одной группы оказываются сходными по словообразовательным формантам, поскольку в рамках таких групп реализуются какие-то определенные словообразовательные модели. Например, большинство глаголов соединения образованы с помощью приставки *с-*: *собрать, соединить, сшить, склеить, связать, сколотить* и др. В ЛСГ *чувство слова безжалостность, беззаботность, беззащитность, безмятежность, безнадежность, безопасность* и др. входят в группу отыменных слов с суффиксом *-ость* со значением «отвлеченного качества или качественного состояния» [8, с.107]. Наличие морфемного сходства у слов одной группы приводит к тому, что многие из них связаны друг с другом не только семантически, но и формально-семантически.

В-третьих, сходство лексем, которые относятся к одной ЛСГ, проявляется в однотипности их синтагматических особенностей. Наличие общих семантических компонентов в содержании лексических значений слов предопределяет способы их функционирования в составе предложений. Так, слова ЛСГ *чувство* употребляются в предложениях в роли дополнения. Ср.: *Поклониться любви и кресту* [3, с. 22]; *Люблю до радости и боли* [Там же, с. 83]; *Только не по совести счастье наготове, / Выбираю удалю и глаза и брови* [3, с. 29]. Типичность функционирования создает единообразие синтагматических свойств слов сходной семантики.

Подводя итоги, необходимо обратить внимание на то, что, пересечение друг с другом составляет одну из характерных особенностей существования ЛСГ и имеет две основные формы своего проявления. Во-первых, одно и то же слово (в одном и том же

значении) может быть включено в разные ЛСГ по разным семантическим компонентам. Во-вторых, наиболее широко разные ЛСГ взаимодействуют на уровне вторичных значений. В этом проявляется действие центробежных сил в рамках той или иной ЛСГ. Одновременно действует и противоположная, центробежная сила, которая приводит к тому, что у слов одной ЛСГ развиваются значения, выводящие их за пределы данной группы и включающие в другие. Аналогом этого явления на грамматическом уровне можно считать переход слов из одной части речи в другую. Несмотря на указанные различия, части речи и ЛСГ слов органически связаны друг с другом. Лексическая система языка – это не просто совокупность лексико-семантических групп, а прежде всего система частей речи, внутри которых существуют разнообразные лексико-семантические группировки [6, с.72–84].

ЛСГ объединяют слова одной части речи, включают в себя как общие грамматические семы, так и категориально-лексическую архисему. Внутри ЛСГ также выделяют подгруппы, объединенные общей интегральной семой. Подгруппы образуют ряды синонимов с идентичными значениями. Мы трактуем ЛСГ как один из основных типов классов слов, объединяющий лексемы сходные по морфемному составу, грамматическим и семантическим показателям (наличию архисемы и дифференциальной семы). Слова в рамках ЛСГ могут быть распределены на подгруппы (или подпарадигмы). Так как противопоставление значений слов является одним из главных условий существования языка как знаковой системы, многозначность лексем позволяет вступать одному и тому же слову в разные ЛСГ или разные подгруппы одной ЛСГ. Однако данное описание не является исчерпывающим, что обуславливает перспективу дальнейших исследований.

ЛИТЕРАТУРА

1. Александрова З. Е. Словарь синонимов русского языка: практический справочник. – М.: Дрофа: Рус. яз. – Медиа, 2010. – 564 с.
2. Большой толковый словарь русского языка: А-Я / РАН. Ин-т лингв. исслед.; Сост., гл. ред. С. А. Кузнецов. – СПб.: Норинт, 2004. – 1534 с.
3. Есенин С. А. Полное собрание сочинений. В 7 т. Т. 1 Стихотворения; подгот. текста и коммент. А. А. Козловский. – М.: Наука: Голос, 1995. – 665 с.

4. Ефремова Т. Ф. Современный толковый словарь русского языка: сайт. – URL: <https://gufo.me/dict/efremova> (дата обращения: 20.10.2021).
5. Жеребило Т. В. Словарь лингвистических терминов. – Изд. 5-е, испр. и доп. – Назрань: Пилигрим, 2010. – 486 с.
6. Кузнецова Э. В. Лексикология русского языка: учеб. пособие для филол. фак. ун-тов. – М.: Высш. шк., 1989. – 216 с.
7. Столяренко Л. Д. Основы психологии // ЛитМир: электронная библиотека. – URL: <https://www.litmir.me/br/?b=270278&p=64> (дата обращения: 25.10.2021).
8. Цыганенко Г. П. Словарь служебных морфем русского языка. – К.: Рад. школа, 1982. – 240 с.

В статье автор анализирует характерные особенности лексико-семантической группы как класса слов. Особое внимание уделено лексико-семантической группе *чувство* в поэзии С. Есенина.

Ключевые слова: лексико-семантическая группа, класс слов, лексема, сема, архисема.

LEXICO-SEMANTIC GROUP AS A SEMANTIC CLASS OF WORDS (BASED ON THE MATERIAL OF S. YESENIN'S POEMS)

E. A. Postovit

In the article, the author analyzes the characteristic features of the lexico-semantic group as a class of words, special attention is paid to the lexico-semantic group feeling in S. Yesenin's poetry.

Keywords: lexico-semantic group, class of words, lexeme, sema, archisema.

УПОТРЕБЛЕНИЕ ГРАММАТИЧЕСКОГО ПАРАЛЛЕЛИЗМА В РАССКАЗЕ ВЛАДИМИРА СОРОКИНА «МАРФУШИНА РАДОСТЬ»

Загертинов Рузиль Насимович⁵

студент филологического факультета НГПУ, учитель
русского языка и литературы МБОУ «Лицей-интернат № 79»,
Набережные Челны, Россия
zagertdinov.ruzil@mail.ru

Постмодернизм является одним из основных литературных направлений русской и зарубежной литературы второй половины XX – начала XXI века. М. А. Черняк отмечает, что постмодернизм пытается существовать в условиях «конца литературы», где уже всё написано, содержание обречено на повторение [5, с. 23]. По этой причине писатели-постмодернисты переосмысливают привычное понятие текста, что меняет и языковое пространство произведений второй половины XX века. В современной русской литературе происходит много языковых процессов, которые способствуют развитию динамичности произведений. Вследствие этих изменений актуализируются средства экспрессивности текста.

Экспрессивность в художественном тексте служит для эмоционального и эстетического воздействия на читателя. Как отмечают исследователи, «это воздействие происходит благодаря использованию языковых средств разных уровней» [3, с. 88]. В первую очередь, это стилистические приёмы и синтаксические средства выразительности. Постмодернисты уделяют большее внимание строению текста и трансформируют его. Благодаря этому в современной русской прозе появляются в том числе и такие языковые конструкции, которые не характерны для неё и отсылают к древности.

В этом смысле особый интерес представляет творчество русского писателя В. Г. Сорокина. Его можно назвать одним из крупнейших представителей постмодернизма в отечественной литературе. В. Г. Сорокин в своих произведениях совмещает

⁵ Научный руководитель – канд. филол. наук К. А. Калинин

элементы нескольких направлений: модернизма, постмодернизма и реализма. В своем творчестве он пытается осмыслить важные события XX века и прежде всего обращается к феномену тоталитаризма. В произведениях Сорокин описывает тоталитарный мир с восхищением и отмечает эстетическую красоту этой системы. Однако вместе с тем он не скрывает её жестокость и бесчеловечность.

Произведения В. Г. Сорокина интересны не только из-за своей необычной тематики, но и с точки зрения языкового употребления в них. Автор использует множество стилистических средств выразительности для усиления экспрессивности текста. По утверждению самого В. Г. Сорокина, он нарочно стилизует язык в произведениях «День опричника» и «Сахарный кремль» под древнерусскую прозу. В тексте достаточно часто встречаются языковые элементы старой русской письменности: форма звательного падежа, переосмысленная как форма именительного падежа (*Человече все в рот тащит*), древние местоимения и формы глаголов (*Аз не есмь черт*). Стилизуя текст под древнерусский язык, писатель пытается преодолеть временные рамки, создать у читателей чувство нахождения во вневременном пласте, т. е. действия могут проходить как в далёком прошлом, так и в будущем. Однако вместе с древнерусской лексикой в его произведениях употребляется и разговорная, жаргонная и обценная. Это создаёт особую художественную манеру постмодернистского писателя.

Одним из наиболее интересных приёмов стилизации в рассказе В. Г. Сорокина «Марфушина радость» является грамматический параллелизм. В работе мы придерживаемся определения этого приёма, которое предлагает К. А. Калинин: это «принцип текстообразования, основанный на однородном построении и семантической соотнесённости смежных элементов текста, поддержанный целым комплексом показателей – лексических и грамматических (морфологических и синтаксических)» [1, с. 11]. Как утверждает исследователь, структурные, семантические и функциональные особенности конструкций грамматического параллелизма «оформляет структуру фрагментов текста, позволяет интерпретировать идейно-тематическое содержание памятника, придаёт тексту большую выразительность и оказывает эмоциональное воздействие на читателя или слушателя» [2, с. 101].

Грамматический параллелизм характерен для фольклорной и книжной древнерусской письменности. Р. Якобсон утверждает, что «единственная в индоевропейском мире живая устная традиция, в которой грамматический параллелизм используется как основной способ последовательного сопряжения стихов, есть русская народная поэзия» [6, с. 104]. Поэтому текст рассказа «Марфушина радость» в некоторых местах напоминает славянский фольклор – былинный и сказовый тексты.

Рассмотрим наиболее яркие случаи употребления конструкций с грамматическим параллелизмом в рассказе «Марфушина радость». В первом же абзаце встречается конструкция, в котором с помощью грамматического параллелизма описывается сон главной героини Марфуши: *«Подмигивали шустряки мохнатые из-за деревьев синих, высовывали языки огненные из ртов своих горячих, выписывали языками теми на коре деревьев светящиеся иероглифы, да все самые древние-предревные, сложные-пресложные, неведомые и самим китайцам, такие иероглифы, что тайны великие и страшные открывают»* [4, с. 9]. Этот пример интересен тем, что в этом предложении возникают разные семантические отношения между конструкциями грамматического параллелизма. Так, полностью предложение представляет собой перечисление последовательности событий в повествовании сна Марфуши. Грамматический параллелизм в этих конструкциях оформляет стилистическую градацию. Параллелизм строится вокруг глагольной формы и слов со значением последовательности и добавлением к ним форм субъективной оценки, образованных путём префиксального повтора (*древние-предревные*). Также семантика градации строится на устойчивых синтаксических схемах, которые действуют только в пространстве этого текста: *неведомые и самим китайцам*. По характеристике структурной организации это предложение оформлено как конструкция неполного грамматического параллелизма. В ней употреблены различные вариации построения: многочисленные вставки, пропуски, инверсии. Оформление сна Марфуши с помощью грамматического параллелизмом помогает создать мрачную, таинственную атмосферу в начале произведения.

Интересно и употребление конструкций грамматического параллелизма в дескриптивных фрагментах текста рассказа. Так, в

одном из них описывается главная героиня – одиннадцатилетняя Марфуша: «Нравится Марфуша себе самой: личико белое, без веснушек, волосы русые, ровные, гладкие, глаза серые, в маму, нос маленький, но не курносый, в папу, уши большие, дедушкины, а брови черные, бабушкины. В одиннадцать лет свои Марфуша умеет многое: учится на "хорошо", с умной машиной "на ты", по клавише печатает вслепую, по-китайски уже много слов знает, маме помогает, вышивает крестом и бисером, поет в церкви, молитвы легко учит наизусть, пельмени лепит, полы моет, стирает» [4, с. 11–12]. В соответствии с принципами описания автор использует грамматический параллелизм для экспрессивной оценки персонажа. Интересно, что описание героя строится на скрытой антитезе (противопоставлении) некоторых словоформ: «*глаза серые, в маму, нос маленький, но не курносый, в папу, уши большие, дедушкины, а брови черные, бабушкины*». Это объясняется попыткой автора указать на близость родственников, указать, что они одна единая, сплочённая семья. Также в конструкции встречаются дополнительные вставочные элементы, которые призваны уточнить описываемое: «*личико белое, без веснушек, волосы русые, ровные, гладкие <...> нос маленький, но не курносый...*». В противовес многочисленным вставкам во фрагменте встречаются и пропуски: «*пельмени лепит, полы моет, стирает*». Так, в этом случае грамматический параллелизм становится неполным и получает вариации построения. Однако несовпадение частей не нарушает общей структуры приёма.

Следующий фрагмент с грамматическим параллелизмом описывает самые значительные события, которые происходили в предыдущем произведении «День опричника». В этом фрагменте, прежде всего, следует обратить внимание на организацию конструкций с помощью частичного параллелизма. Она представлена структурным соответствием начальных частей высказывания, т. е. грамматической анафорой: «*Много, ох много повидал, много порассказывал внучке о России: и про Смуту Красную, и про Смуту Белую, и про Смуту Серую. И про то, как Государев отец, Николай Платонович, Кремль побелить приказал, а мавзолей со смутьяном красным в одночасье снес, и про то, как жгли на площади Красной русские люди паспорта свои заграничные, и про Возрождение Руси, и про героических опричников, врагов*

внутренних давящих, **и про** прекрасных детей Государя и Государыни, **про** волшебные куклы их **и про** белого коня Буди мира» [4, с. 15]. В некоторых случаях автор допускает пропуски повторяющихся компонентов, чтобы снизить загруженность текста.

Особый интерес вызывает описание лавки Хопрова. Автор, иронизируя, отмечает, что к лавке выстроилась небольшая очередь из тридцати человек. В. Г. Сорокин подробно описывает всё, что лежит на витрине лавки. Текст полностью построен на конструкциях с грамматическим параллелизмом. Без него описание оказалось сухим, безыскусным. Грамматический параллелизм придаёт особую эмоциональность, которая отражает детский взгляд на продукты. Нужно обратить внимание, что в этих конструкциях возникает семантика противопоставления, выраженная мнимой антитезой: «А там, под стеклом лежит все, чем торговать положено: мясо **с косточками и без**, утки и куры, колбаса **вареная и копченая**, молоко **цельное и кислое**, масло **коровье и постное**, конфеты **«Мишка косолапый» и «Мишка на севере»**. А еще водка **ржаная и пшеничная**, сигареты «Родина» и папиросы «Россия», повидло **сливовое и яблочное**, пряники **мятные и простые**, сухари **с изюмом и без**, сахар-песок **и кусковой**, крупа **пшениная и гречневая**, хлеб **белый и черный»** [4, с. 19]. Употребление антонимичной пары названий табачных изделий «Родина» и «Россия» позволяет автору иронизировать над тоталитарным строем в образе антиутопической России. Он противопоставляет, казалось бы, синонимичные понятия Родины и России. Это создает своеобразную языковую игру, которая нацелена исключительно на вдумчивого читателя.

Следующая конструкция грамматического параллелизма создаёт особый случай оформления авторской иронии. Этот пример, в отличие от других, основан на абсолютном грамматическом параллелизме, в котором полностью совпадают все грамматические формы соотносимых элементов: «*Как прекрасен Государь Всея Руси! Как красив и добр! Как мудр и ласков! Как могуч и несокрушим!*» [4, с. 33]. Стоит сказать, этот отрывок вызывает недоумение читателя. Казалось бы, автор дает оценку правителю государства глазами маленькой девочки. Однако если читатель знаком с основной тематикой произведений В. Г. Сорокина, то он

без труда различит авторскую иронию. Автор высмеивает тоталитарное устройство и диктаторов, наделённых властью.

Во всей совокупности в рассказе «Марфушина радость» грамматический параллелизм, являясь средством стилизации текста, формирует и ритмическую организацию текста. Одним из условий появления ритма в прозе являются синтаксические повторы, к которым можно отнести и грамматический параллелизм [2, с. 100]. Ритм – неотъемлемый элемент «ярмарочного лубочного языка», к которому, по своему утверждению, и стремился автор рассказа. Стилизация и ритмизация текста отсылает читателя к произведениям древнерусской литературы, делает язык рассказа отдельным персонажем, за которым интересно наблюдать. Также грамматический параллелизм помогает автору точно описать персонажей и определенные места, рассказывать о событиях в точной последовательности, иронизировать над персонажами и позволяет добавить в структуру рассказа больше экспрессивности. Всё это и является характерной чертой постмодернистских произведений.

ЛИТЕРАТУРА

1. Калинин К. А. Грамматический параллелизм и его разновидности как средство текстообразования в древнерусской ораторской прозе XI–XVI вв.: автореф. дис. ...канд. филол. наук. – Москва, 2021. – 18 с.
2. Калинин К. А. Грамматический параллелизм как единица текста древнерусской ораторской прозы // Язык как материал словесности: XXII научные чтения. – Казань: Бук, 2019. – С. 94–102.
3. Рамазанова Д. А., Хасбулатова Х. М., Курбанова З. Г. Экспрессивность в художественном тексте и способы её выражения // Известия ДГПУ. Общественные и гуманитарные науки. – 2017. – № 3. – С. 86–91.
4. Сорокин В. Г. Сахарный Кремль. – М.: АСТ, 2019. – 256 с.
5. Черняк М. А. Современная русская литература: учебник. – М.: Юрайт, 2021. – 294 с.
6. Якобсон Р. Грамматический параллелизм и его русские аспекты // Работы по поэтике. – М.: Прогресс, 1987. – С. 99–132.

В статье предлагается описание особенностей употребления конструкций грамматического параллелизма в малой прозе современного русского писателя В. Г. Сорокина. На основе анализа ярких примеров употребления грамматического параллелизма в рассказе «Марфушина радость» выясняются способы и причины их включения в структуру текста.

Ключевые слова: грамматический параллелизм, стиль, постмодернизм, стилизация.

**THE USE OF GRAMMATICAL PARALLELISM IN «MARFUSHA'S JOY» BY
VLADIMIR SOROKIN
R. N. Zagertdinov**

The article offers a description of the features of the use of constructions of grammatical parallelism in the short prose of the modern Russian writer V.G. Sorokin. Based on the analysis of vivid examples of the use of grammatical parallelism in the story "Marfushin's Joy", the methods and reasons for their inclusion in the structure of the text are clarified.

Keywords: grammatical parallelism, style, postmodernism, stylization.

МОТИВЫ ПРОИЗВЕДЕНИЙ Ф. М. ДОСТОЕВСКОГО В СОВРЕМЕННОЙ ЛИТЕРАТУРЕ

Замятина Мадина Хумидовна

магистрант филологического факультета НГПУ,
Набережные Челны, Россия
madinamello@mail.ru

Популярные писатели и их произведения, несомненно, оставляют свой след в литературе на очень долгое время. Поэтому в современной литературе мы встречаем отсылки, цитирования, интертекстуальные связи и ремейки на тексты классических произведений. В одних произведениях это связано с попыткой ответить на вечные вопросы, которые встречаются у классиков, другие произведения переосмысливаются, третьи используют как своеобразную «приманку» для привлечения внимания читателей.

Одним из наиболее цитируемых писателей в современной литературе является Фёдор Михайлович Достоевский, ведь он один из самых читаемых авторов в мире. Писатель оказал большое влияние на русскую и зарубежную литературу. О его влиянии на своё творчество говорили Иосиф Бродский, Борис Пастернак, Владимир Маканин, Эрнест Хэмингуэй, Альбер Камю и другие писатели. Влияние его творчества прослеживается и в современной прозе, даже в работах формата «фанфикшн». Например, согласно запросу в сети Интернет, по роману «Идиот» написано 92 фанфика, по роману «Преступление и наказание» 362 фанфика, по роману «Братья Карамазовы» 33 фанфика.

На рубеже веков в эпоху переосмысления моральных ценностей и роли человека в обществе, мотивы и взгляды Ф. М. Достоевского получили новый виток развития. Юрий Мамлеев, драматург и философ, в сборнике рассказов «Конец века» открыл в человеке все оттенки бездны и глубину души, затаившиеся темные и светлые стороны. Автор, как и Ф. М. Достоевский, видит в человеке множество граней, но между персонажами существует кардинальное различие. Если персонажи Достоевского обретают бессмертие духовное и осознанно верят в Бога, то у Мамлеева, как у основателя

направления метафизического реализма, человек обретает не веру, а самого Бога внутри себя.

В романе «Андеграунд, или Герой нашего времени» Владимира Маканина мы видим общество и его «подсознание», а также главного героя Петровича, который своими действиями и поступками иногда наталкивает читателя на мысли о Родионе Раскольникове и других значимых персонажа русской классической литературы. Отсутствие моральных ценностей приводит к вседозволенности, цинизму, убийствам и глубокой трагедии человека, который ощутил новый мир на себе. Герой романа не раскаивается в убийстве, он силится оправдать его, ведь в его системе ценностей нет нравственности и великодушия.

Человек, который ищет свое место, «лишний» человек – один из самых популярных образов в современной литературе. Выбор между свободой и несвободой, героем или антигероем, моральными ценностями или жизненными проблемами – неоднозначные темы, на которые можно рассуждать без конца. Мотивы произведений и герои Ф. М. Достоевского обладают уникальной особенностью открываться заново для читателя под влиянием социальной обстановки, жизненных ситуаций и опыта. Борьба человека с обществом и самим собой обрастает новыми гранями с каждым новым прочтением.

Венедикт Ерофеев, автор поэмы «Москва-Петушки», затрагивает понятие красоты и юродства в их единстве. Пьяный персонаж, рассуждающий о России и Европе, спускающий все деньги на выпивку, похож на Семена Мармеладова: раз за разом теряет работу, напивается, заводит длинные беседы с любым слушателем. Параллель прослеживается и в галлюцинациях главного героя, где он занимает высокий пост, а именно президентский, ведь Мармеладов был отставным чиновником. Пьющий человек, падающий в пропасть, в произведении, тем не менее, положительно воспринимается читателем: хоть он и пьян, но стремится к горячо любимой и любящей его женщине, к их общему ребенку, не забыв купить гостинцы, пусть и дешёвый кулёк конфет. Порочный человек обладает большим сердцем и умеет любить.

Для людей, живших на рубеже XX и XXI века, такой образ достаточно близок и знаком, как бы печально это ни звучало. Переосмысление с отсылкой на временные рамки отсылает нас к

еще одному интересному произведению, а именно к ремейку романа «Идиот». В 2001 году был издан роман «Идиот» под авторством Фёдора Михайлова. В произведении были взяты не только мотивы самого произведения, но и имя автора, чтобы проще было провести параллельную линию между ними. В ремейке идёт полное обновление всего: событий, имён, персонажей. Меняются города, технологии, профессии, неизменным остаётся только основной сюжет. Можно сказать, что роман полностью переписан с нуля на более современный лад, хотя критичных изменений нет: Сравним у Ф. М. Достоевского: «Все ростовщичество оправдывает, говорит, что так и нужно, экономическое потрясение, какие-то приливы и отливы, черт их дери. Мне ужасно досадно от него, что он озлоблен» [1]. У Федора Михайлова: «Все спекулянты, все до единого! Ипполит это оправдывает, говорит, что так и нужно. Шоковая терапия, какая-то макро- и микроэкономика, черт их дери. Досадно все это от него слышать, но он озлоблен» [3]. Считается, что автор хотел сделать роман «Идиот» Достоевского более доступным для широких масс, перенося действие из XIX века в XXI век.

Вышеуказанные произведения относятся к таким литературным направлениям, как постмодернизм, постреализм и метафизический реализм, что подводит нас к мысли о том, что мотивы и персонажи, созданные Ф. М. Достоевским, не теряют свою актуальность и сегодня. Данные примеры не являются единичными, подобных произведений в современной литературе очень много.

Мотивы произведений Достоевского встречаются у Александра Зиновьева в романе «Глобальный человек», у Юрия Давыдова в романе «Бестселлер». В повести «Голова Гоголя» Анатолия Королёва происходит обильное цитирование из различных работ Фёдора Михайловича. Естественно, что писатели переосмысливают образы, опираясь на собственный опыт и восприятие, а также на окружающий мир. Литература постмодернизма полна иронии, черного юмора и интеретекстуальности. Ю. Кристева писала, что «любой текст строится как мозаика цитаций, любой текст есть продукт впитывания и трансформации какого-нибудь другого текста» [2].

Современная литература открывает классическую литературу с новой стороны, не отвергая и не опровергая её, а отвечая на её

вечные вопросы с иной точки зрения. Ф. М. Достоевский является одним из самых знаковых классиков в русской и мировой литературе. Мотивы и персонажи его произведений получают вторую жизнь в современной литературе.

ЛИТЕРАТУРА

1. Достоевский Ф. М. Полное собрание сочинений. в 30 тт. / Ф.М.Достоевский, - М.-Л.: Наука, 1974–1989.
2. Кристева Ю. Бахтин, слово, диалог и роман // Французская семиотика: от структурализма к постструктурализму. М., 2000. С. 429.
3. Михайлов Фёдор, Идиот. – М., 2001.

Автор работы предпринимает попытку найти пересечения современной литературы с мотивами произведений Ф. М. Достоевского. Рассматриваются параллели с произведениями Ю. Мамлеева из сборника «Конец века», с романом В. Маканина «Андеграунд, или Герой нашего времени», с поэмой В. Ерофеева «Москва-Петушки».

Ключевые слова: современная литература, классическая литература, мотив, персонажи, влияние, Достоевский.

MOTIVES OF DOSTOEVSKY'S WORKS IN CONTEMPORARY LITERATURE

M.Kh. Zamyatina

The author of the work makes an attempt to find the intersection of modern literature with motives of the works of F.M. Dostoevsky. The article examines the parallels with the works of Y. Mamleev from the collection "The End of the Century", with the novel by V. Makanin "The Underground, or a Hero of Our Time", with the poem by V. Erofeev "Moscow-Petushki".

Key words: contemporary literature, classical literature, motive, characters, influence, Dostoevsky.

УДК 811.161.1

ИМЕНА СОБСТВЕННЫЕ КАК ЕДИНИЦА ИЗМЕРЕНИЯ АВТОРСКОГО СТИЛЯ О. МАНДЕЛЬШТАМА

Бразжник Лена Мирзаяновна

кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры русского языка как иностранного и межкультурной коммуникации НГПУ,
Набережные Челны, Россия
l-brazhnik@bk.ru

Стиль, художественный почерк, манера письма – то, что делает поэта большим поэтом. Никакие глубинные мысли и правильные идеи не сделают не затронут душу читателя и не оставят следов в его сознании, если об этом будет сказано банально. Индивидуально-творческое использование языка отличает каждого автора. Точнее, не просто каждого, а каждого талантливого, потому что каждый говорящий использует языковые средства по-своему, но при этом только единицы делают это так, что обращают на себя, на свои произведения внимание и держат это внимание десятилетиями, и даже столетиями.

При исследовании стилистических особенностей текстов, так называемой рамки стиля, становится очевидно, что стиль – это вовсе не «богатство» лексики, не синтаксическое разнообразие, а жёсткий отбор, своего рода отбор языковых средств. Умелое использование отобранных элементов (своеобразная гармонизация) – вторая ступень таинственного и закрытого процесса формирования языковой уникальности художественного произведения. «Стиль объединяет, производит унификацию средств, которые составляют речевое произведение, и в то же время дифференцирует данное речевое произведение, отличая от других. Придавая ему законченность, стиль может существенно повлиять и на его общий смысл. Можно сказать, что стиль в некотором роде является связующим звеном между принципом аккумуляции компонентов и

их последовательности и суммарным смыслом, который, как представляется, концентрируется в одной точке» [2, с. 61].

Дж. М. Мэррей определяет стиль как «свойство языка, которое позволяет точно передать эмоции и мысли или систему эмоций и мыслей, которые свойственны определенному автору» [Цит. по: 7, с. 2], и далее – «наиболее важное качество стиля – точность, но не точность, свойственная определению (не интеллектуальная), а точность расчёта на возбуждение соответствующих эмоций» [Там же]. Это ёмкое объяснение указывает на истинное место эмоционального восприятия художественного произведения, что в первую очередь необходимо учитывать в подобного рода исследованиях. Что же другое, кроме роскоши эмоций, можно увидеть в мандельштамовском *глубоком обмороке сирени*.

Имена собственные – один из характерных элементов поэтического почерка О. Мандельштама. Они (имена собственные) в поэзии Мандельштама представляют собой конструктивный элемент авторского стиля, который отличается высокой частотностью и полифункциональностью. Проприальная лексика является не только способом передачи речемыслительных авторских процессов, но и используется им (автором) в качестве инструмента номинации определённого когнитивного процесса.

Неограниченный характер семантических связей онимов со структурными элементами предложения, возможность их существования как абсолютно самостоятельных единиц, организация именами собственными стихотворного повествования, и вытекающая из этих свойств квалификация онимов как текстообразующих элементов, (о чём речь пойдёт в этой статье) позволяют говорить о них как о единице измерения авторского стиля Мандельштама. Смысловая плотность поэтических текстов мастера, в пространстве которых не остаётся пробелов, не в последнюю очередь создается за счёт имен собственных. В онимах, которые использует Мандельштам, нельзя не увидеть отражение лингвопоэтической картины произведений. Использование Мандельштамом имен собственных не утяжеляет стилистический рисунок его стихотворений, поэтому они не утомляют читателя.

В связи с вышесказанным вполне справедливо мнение Е. Ю. Карпенко о кардинальном отличии общезыковой онимии от литературной. Ономатолог считает, что «если первая (общезыковая)

выполняет номинативную функцию, служит для дифференциации однородных предметов (это человек, река, улица и т. д. выделяется из всех других) и имеет, как правило, нейтральную окрашенность, то вторая выполняет, прежде всего, стилистическую функцию, точнее – целый букет различных стилистических функций. Художник выбирает (или творит) онимы, которые использованы в его произведении с определенными художественными целями» [4, с. 7–9].

Об определенных художественных целях Мандельштама говорила Н. Я. Мандельштам во время личной встречи с М. Поливановым: «Однажды мы читали замечательное и очень позднее стихотворение Мандельштама о *«рожденных, гибельных и смерти не имущих»*. Она меня остановила вопросом: *«А вы не понимаете, почему Эсхил грузчик и Софокл лесоруб?»*. Я попробовал сказать то, что думаю и сейчас: грузчик и лесоруб – простые и неизменные профессии (в том числе лагерные) и такие слова, примененные к великим трагикам, возвышают человечество через границы времени и культур. Она осталась недовольна. «Нет, – сказала она, – надо почитать, что-то о них, может быть, Плутарха. Это не случайные сопоставления. У Оси таких не бывает» [5, с. 35].

Таким образом, имя собственное в поэтической речи О. Мандельштама представляет собой особый тип художественного мышления, функция которого заключается в осознании мира путём его творческого воссоздания. Для того чтобы поэтика художественных произведений О. Мандельштама заиграла особыми красками автор использует оним как средство словесной образности. Например, в стихотворении, о котором речь шла выше: *«Где связанный и пригвожденный стон? // Где **Прометей** – скалы подспорье и пособие? ... Тому не быть: трагедий не вернуть, // Но эти наступающие губы – // Но эти губы вводят прямо в суть // **Эхила-грузчика, Софокла-лесоруба**. // Он эхо и привет, он вежа, нет – лемех. // Воздушно-каменный театр времен растущих // Встал на ноги, и все хотят увидеть всех – // Рожденных, гибельных и смерти не имущих»*. С помощью онимов *Прометей, Эсхил, Софокл* поэт не только эстетически воздействует на читателя, но и воплощает идейно-художественный замысел своего творения. Так, в статье «О собеседнике» О. Мандельштам утверждал, что *«Писать для самого себя – безумие, обращаться к ближним – пошлость; писать*

нужно для неизвестного дальнего читателя, какого пошлёт судьба...» [6, с. 16]. И таких читателей судьба послала. Попытки интерпретации произведения «Где связанный и пригвожденный стон...» были предприняты. Так, например, Л. Иванов полагает, что «от «плотника или токаря» до «Софокла-лесоруба» – рукой подать. Хотя и здесь, как и в «Я нынче в паутине световой...», на образ «народа-Гомера» аллитерационно наложен образ «кремлёвского горца»: «ГРУЗчик» – грузин, «Софокл-леСОруб» – опрокинутый «звукосимвол» ОС» [3]. Речь идёт, по-видимому, о И. В. Сталине.

Полагаем, что в анализируемом произведении одно из наиболее выразительных средств, слишком явно маркирующих «присутствие» субъекта (говорящего) – имя *Прометей*. Его предназначение – отразить субъективно-ориентированную интерпретацию ситуации, выразить своё к ней отношение, сфокусировать внимание адресата (читателя) на ситуации, сложившейся в 1937 году. Именно в это время создано стихотворение. В современной историографии период наиболее массовых политических (сталинских) репрессий в СССР. В 1937 г. поэт пишет стихи, в определенном смысле завершающие его творческий путь. Мастер слова – Мандельштам использует весь спектр средств словесной образности, каждое из которых выполняет свою работу. В первую очередь в функционировании она обнаруживаются черты восходящей градации в составе риторического вопроса. Благодаря чему стихотворная строка приобретает особо подчёркнутый оттенок, а нанизывание синонимов *подспорье* и *пособье* активизируют мышление читателя и отсылают к сюжету древнегреческого мифа о титане, который послужил символом мученичества во имя спасения людей. Характерологическая функция градации, используемая автором с целью подробной характеристики *Прометей* и указания на его существенные качества, усиливает воздействие на адресата речи. Ответ очевиден. Нет того, кто мог бы спасти русский народ.

Кроме того, О. Мандельштам довольно эффектно использует синтаксическую функцию поэтонима. Совершенно очевидно то, что оним *Прометей* функционирует в авторской художественной речи в качестве субъекта. Имя собственное является частью целой иносказательной действительности. У Мандельштама *Прометей* перифрастически становится «связанным и пригвожденным стоном, «эхом и приветом», «лемехом», «воздушно-каменным театром».

Каждая из приведённых характеристик стилистически замкнута в себе и перифрастически замещает поэтоним в художественном пространстве стихотворения.

Ономатолог, анализируя лишь одно стилистическое средство, в структуру которого входит имя собственное, оказывается в ситуации ограничения, выход из которого возможен исключительно при описании всего спектра изобразительно-выразительных художественных средств. Это позволит понять зашифрованный в действиях поэта, выбирающего тот или иной способ выражения содержания произведения, смысл.

Далее обратимся к анализу антропонимов Эсхил и Софокл. Здесь эффект использования онимов в синтаксической функции дополнения осложняется выразительными возможностями словообразования. *Эсхил-грузчик*, *Софокл-лесоруб* с точки зрения деривации представляют собой составные наименования. Подобное образование несёт на себе печать личного отношения автора к носителю имени. Известно, что древнегреческий драматург Эсхил использовал сюжет античного мифа для создания трагедии о Прометее, а Софокл лишь подражал высокому стилю Эсхила. Мандельштам таким образом подчеркнул разницу между богами и людьми. В этом случае налицо сравнение, представленное приложением. В структуре стихотворного текста сравнительно-сопоставительный характер высказывания очевиден. Однако синтаксическая структура сравнения не является столь же эксплицированной. В описываемом примере апеллятивы *грузчик* и *лесоруб* являются своего рода определительными компонентами дополнения. Каждое предложение, каждый член предложения в художественном пространстве стихотворения не изолирован. Звеньями в цепи всего повествования выступают онимы.

Любой художник слова принадлежит своему времени, поэтому так или иначе отражает в своих произведениях идейно-эстетические тенденции того или иного литературного направления, господствующего в данный период.

Для адекватной и полной интерпретации созданного Мандельштамом произведения адресат должен обладать фоновыми знаниями, содержащими сведения об античной культуре, носителем которой является мифопоэтоним *Прометей*. Имя *Прометей* переводится с древнегреческого языка как «предвидящий»,

«мыслящий прежде». Поэтому автор в своём произведении обращается к сюжету древнегреческой мифологии о титане, который научил людей строить дома, корабли, и обучил различным ремёслам [1, с. 273]. По-видимому, поэтому *Эсхил-грузчик, а Софокл-лесоруб*. И губы – это губы Прометея, пытающегося донести до древнегреческих драматургов мысль о вечном круговороте жизни и смерти.

Позволим себе высказать следующее предположение: очевидно то, что онимы – один из главных маркирующих элементов стиля Мандельштама.

ЛИТЕРАТУРА

1. Агбунов М. Античные мифы и легенды. Мифологический словарь. – М.: МИКИС, 1994. – 368 с.
2. Гаузенблаз К. О характеристике и классификации речевых произведений // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. 8. – М.: Прогресс, 1978. – С.57–78.
3. Иванов Л. В. Заметки о Мандельштаме. Статьи // Союз писателей, № 7. – 2006.
4. Карпенко Ю. А. Прагматическая направленность имён собственных в художественном тексте. Методические указания к спецкурсу. – Одесса, 1998. – 24 с.
5. Мандельштам Н. Я. Воспоминания. – М.: Книга, 1989. – 483 с.
6. Мандельштам О. Э. Полное собрание сочинений. – СПб.: Академический проект, 1995. – 720 с.
7. Полякова Ю. Г. Структура и особенности функционирования вставок в языке газеты: автореф. дис. ... канд. филол. наук. – Волгоград, 2001. – 19 с.

В статье анализируется роль имён собственных в организации поэтического текста О. Мандельштама. Для подробного анализа привлекается его стихотворение «Импрессионизм». Семантические и грамматические связи онимов со структурными элементами предложения, существование их как абсолютно самостоятельного изобразительного средства, организация именами собственными стихотворного повествования позволяют сделать предположение о том, что проприальная лексика – один из главных маркирующих элементов стиля Мандельштама.

Ключевые слова: авторский стиль, оним, поэтоним, имя собственное, маркирующий элемент, лингвопоэтическая картина произведения.

**PROPER NAMES AS A UNIT OF MEASUREMENT OF THE AUTHOR'S STYLE
OF O. MANDELSTAM
L. M. Brazhnik**

The article analyzes the role of proper names in the organization of the poetic text of O. Mandelstam. For a detailed analysis his poem "Impressionism" is used. Semantic and grammatical connections of onyms with the structural elements of the sentence, their existence as an absolutely independent visual means, the organization of the poetic narrative with proper names allow us to make the assumption that the proprietary vocabulary is one of the main marking elements of Mandelstam's style.

Keywords: author's style, onym, poetonym, proper names, marking element, linguopoetic picture of the work.

СТРУКТУРНО-ГРАММАТИЧЕСКИЕ ТИПЫ ПРОСТЫХ И КОМПОЗИТНЫХ ГОДОНИМОВ ГОРЛОВКИ

Пивень Анна Витальевна⁶

ассистент кафедры общего языкознания и славянских языков
Горловского института иностранных языков», Горловка, ДНР
ann.dzis@mail.ru

В настоящее время вопрос структурно-грамматической классификации топонимов является актуальным положением. В науке о языке уже были предприняты попытки систематизации продуктивных моделей, а также толкования значений топоформантов и их функций.

Целесообразно отметить, что А. М. Мезенко в работе «Урбанонимия Белоруссии» (1991 г.) выделяет простые и сложные типы урбанонимов. В свою очередь, простые типы урбанонимов автор подразделяет на:

1) атрибутивный тип. Проприальная часть – имя прилагательное, тип связи – согласование;

2) генитивный тип. Проприальная часть – имя существительное, тип связи – управление;

3) нумеративный тип. Проприальная часть – имя числительное, тип связи – полное или неполное согласование.

Под сложным типом урбанонимов А. М. Мезенко понимает трёхсловные модели урбанонимов, или урбанонимы, состоящие из большего количества компонентов. К сложным урбанонимам учёный относит несколько типов, а именно:

1) нумеративно-смешанный тип. Данная группа подразделена на нумеративно-атрибутивный, нумеративно-генитивный и нумеративно - номинативный подтипы;

2) генитивно-смешанный. Данная группа подразделена на генитивно - адъективный, генитивно-субстантивный и генитивно-числовой подтипы;

⁶ Научный руководитель – доктор филол. наук, профессор И. А. Герасименко

3) номинативно-смешанные. Данная группа подразделена на номинативно-адъективный, номинативно-субстантивный и номинативно-числовой.

Промежуточное место в классификации простых и сложных типов урбанонимов занимает аббревиатурный тип [4, с. 17-18].

В свою очередь, Н. Ю. Забелин в работе «Московская городская топонимия. Структурно-семантический анализ топонимической системы» (2007 г.) и Л. В. Егорова в исследовании «Опыт сопоставительного исследования годонимикона двух республик Поволжья (Чувашии и Марий Эл)» (2018 г.) выделяют однословные и композитные годонимы как основные типовые модели (структурные подгруппы) [3, с. 19-21]. Среди однословных моделей авторы различают адъективную однословную и субстантивную однословную модели.

Атрибутивная однословная модель – это модель линейного адресного объекта, в состав которой входит номенклатурный термин и проприальная часть, выраженная именем прилагательным. А В. Суперанская в работе «Как вас зовут? Где вы живете?» обращает внимание на тот факт, что в урбанонимии однословная модель характеризуется данным образом с определённой долей условности, так как «урбаноним предполагает обязательное наличие номенклатурного термина» [6].

В свою очередь, данная модель классифицируется в зависимости от наличия разных топоформантов. Это атрибутивные модели с топоформантами *-н-, -ян-, -альн-, -онн-, -енн-, -к-, -ск-, -овск-, -евск-, -инск-*; *-ов-, -ев-*, а также первообразная адъективная модель.

Субстантивная однословная модель, по мнению Л. В. Егоровой, является более сложным механизмом образования и функционирования линейного адресного объекта. В состав данного типа модели входят:

- 1) субстантивная мемориальная генитивная модель;
- 2) субстантивная генитивная модель;
- 3) субстантивная номинативная модель.

Стоит отметить, что самыми частотными типовыми моделями урбанонимов, по мнению Л. В. Егоровой, являются развёрнутая мемориальная генитивная субстантивная модель и развёрнутая мемориально-персональная генитивная субстантивная модель.

Нумерально-адъективная модель является композитной (сложной) среди вышеперечисленных моделей и также выделяется как одна из моделей в работах вышеуказанных авторов.

Вслед за А. М. Мезенко и Н. Ю. Забелиным мы предпринимаем попытку разработки и дополнения структурно-грамматической классификации. Предметом исследования данной статьи является рассмотрение и классификация основных типовых моделей топонимов города Горловки.

Все топонимы города Горловки можно расклассифицировать по нескольким основным группам: простые и композитные (сложные) наименования. К простым мы относим наименования линейных адресных объектов, представленных по следующей схеме: номенклатурный термин с наименованием топонима, выраженного различными проприальными элементами.

Исходя из подсчётов, общее количество имён прилагательных составляет 744 единицы (45,6% от всех названий в картотеке). Соответственно, общее количество имён существительных составляет 728 единиц (44,56%), имён числительных – 12 единиц (0,72%), количество словосочетаний в картотеке составляет 149 единиц (9,12%).

Атрибутивные топонимы являются самой многочисленной группой с точки зрения структурно-грамматического аспекта.

Стоит отметить, что атрибутивный тип топонимов классифицируется нами в зависимости от наличия топоформантов. Это адъективные модели со следующими топоформантами:

1) **н-, -ян-, -онн-, -енн.** Например, ул. *Авангардная*, ул. *Авиационная*, ул. *Автогенная*, ул. *Азотная*, ул. *Активная*, ул. *Алмазная*, пер. *Алфавитный*, ул. *Аэродромная*, пер. *Базарный*, ул. *Вербная* (230 единиц, или 30,9% от общего числа атрибутивных топонимов);

2) **-к-, -ск-, -овск-, -евск-, -инск.** Например, ул. *Авдеевская*, ул. *Агрономическая*, ул. *Аджарская*, ул. *Адмиралтейская*, ул. *Адыгейская*, пер. *Адыгейский*, ул. *Азовская*, ул. *Академическая*, ул. *Акмолинская* и другие (409 единиц, или 55% от общего числа анализируемых атрибутивных топонимов);

3) **-ов-, -ев-.** Например, проезд *Абрикосовый*, ул. *Береговая*, ул. *Буковая*, проезд *Грушевый*, ул. *Дубовая*, ул. *Звонковая*, ул. *Калиновая*, пер. *Луговой*, ул. *Маковая*, ул. *Межевая*, ул. *Мостовая*,

ул. *Новосадовая*, пер. *Ореховый*, пер. *Парафиновый* и другие (58 единиц, или 7,79% от общего числа анализируемых атрибутивных годонимов);

В свою очередь, **гениитивный** тип в нашей картотеке также является весьма распространённым. Данный тип годонимов, по нашему мнению, образуется с помощью номенклатурного термина и проприальной части, выраженной именем существительным в Родительном падеже. Особенностью данного типа годонимов является также наличие определённого типа связи – управление. Например, ул. *Абраимова*, ул. *Авдеева*, ул. *Аэрофлота*, ул. *Беспощадного*, ул. *Жлобы*, ул. *Кобьянской*, ул. *Кокорина*, ул. *Колесовой*, ул. *Ленина*, ул. *Саянова* и другие. Статистические подсчёты позволяют заключить, что общее количество годонимов гениитивного типа составляет 711 единиц, или 43,55% от общего числа линейных адресных объектов нашей картотеки.

В материалах картотеки также нами были выделены примеры годонимов номинативного типа. К примерам данного типа мы относим следующие наименования: ул. *Васильевка*, ул. *Великан*, ул. *Коллонтай*, ул. *Новостройка*, ул. *Радиус*, ул. *Сагайдак*, ул. *Спасгородок*, ул. *Стожка* и другие. Общее количество годонимов номинативного типа составляет 8 единиц, или 0,5% от общего числа линейных адресных объектов нашей картотеки.

Нумеративный тип простых годонимов характеризуется наличием номенклатурного термина и проприального элемента, выраженного именем числительным. Примеров данной группы годонимов в материалах нашей картотеки не обнаружено.

В аспекте проблематики данного исследования стоит обратить внимание на характеристику сложных (композитивных) типов годонимов. Так, материал изучаемой картотеки позволяет выделить несколько сложных типов годонимов, а именно: нумеративно-смешанный, гениитивно-смешанный и номинативно-смешанный типы.

Среди нумеративно-смешанного типа годонимов мы можем выделить нумеративно-гениитивный подтип. К данной разновидности годонимов мы относим следующие наименования: ул. *1-й Пятилетки*, ул. *7-го Ноября*, ул. *8-го Марта*, ул. *9-го Мая*, ул. *1905 Года*.

Анализ материала картотеки позволяет заключить, что среди генитивно-смешанного типа мы можем выделить несколько подтипов, а именно генитивно-адъективный, генитивно-субстантивный, генитивно-числовой подтипы. К примерам **генитивно-адъективного** подтипа мы можем отнести такие примеры, как ул. *Горловской Дивизии*, ул. *Красной Звезды*, ул. *Молодой Гвардии*, ул. *Парижской Коммуны*, ул. *Первой Пятилетки*, ул. *Советской Армии*, ул. *Трудовых Резервов* и другие.

К примерам **генитивно-субстантивного** подтипа мы можем отнести следующие примеры: ул. *Адмирала Истомина*, ул. *Адмирала Макарова*, ул. *Академика Бардина*, ул. *Братьев Вайнеров*, ул. *Броненосца Потёмкина*, ул. *Генерала Батюка*, ул. *Газеты «Известий»*, ул. *Газеты «Искры»*, ул. *Героев Перекопа*, ул. *Героев Сталинграда*, ул. *Капитана Флерова*, ул. *Комарова Космонавта*, ул. *Космонавта Волкова*, ул. *Лейтенанта Шмидта* и ряд других наименований.

Генитивной-числовой подтип представлен примером ул. *Содружества 1*.

Номинативно-смешанный тип подразделяется на номинативно-адъективный и номинативно-субстантивный подтипы. К первому подтипу мы относим следующие номинации: ул. *Верхний Массив*, ул. *Средний Массив*, ул. *Нижний Массив*, ул. *Весёлый Дуб*, ул. *Старая Колония*, ул. *Сухой Яр*, ул. *Таганрогский Пост*, ул. *Тёплый Стан*, ул. *Чёрная Водокачка*, ул. *Школьная Площадка* и другие.

В свою очередь, номинативно-субстантивный подтип представлен следующими примерами: ул. *30 Лет ВЛКСМ*, ул. *40 Лет Октября*, ул. *40 Лет Украины*, ул. *60 Лет СССР*.

Итак, годонимы города Горловки классифицированы нами на две основные структурные группы: простые и композитные. Каждая из вышеупомянутых групп имеет свои подгруппы, которые различаются в зависимости от проприального элемента, выраженного различными частями речи (именами прилагательными, именами существительными, числительными).

Последующие изучения в предоставленной области исследования позволят нам более подробно рассмотреть и доработать данную классификацию.

ЛИТЕРАТУРА

1. Горловка. Автомобильный атлас города. – Киев: Геокарта, 2016. – С. 38–41.
2. Егорова Л. В. Опыт сопоставительного исследования годонимикона двух республик Поволжья (Чувашии и Марий Эл): 10.02.20 дис. ... канд. филол. наук. – Чебоксары, 2018. – 24 с.
3. Забелин Н. Ю. Московская городская топонимия. Структурно-семантический анализ топонимической системы: 10.02.19: дис. ... канд. филол. наук. – Москва, 2007. – 24 с.
4. Мезенко А. М. Урбанонимия Белоруссии: 10.02.01, 10.02.02: дис. ... д. филол. наук. – Минск, 1991. – 34 с.
5. Пивень А. В. Структурно-грамматическая классификация годонимов современной Горловки // Язык и культура : сб. науч. трудов VI Республиканской очно-заочной научной конференции (11 ноября 2020 г.). – Макеевка, 2020. – С. 144-146.
6. Суперанская, А. В. Как вас зовут и где вы живёте? Текст: электронный // rulit.me: сайт. – URL: <https://www.rulit.me/books/kak-vas-zovut-i-gde-vy-zhivete-read-392010-1.html> (дата обращения: 21.10.2021).

В данной статье автор работы предпринимает попытку проанализировать и классифицировать основные структурно-грамматические типы и подтипы годонимов Горловки.

Ключевые слова: годоним, структурно-грамматическая классификация годонимов Горловки, номенклатурный термин, проприальная часть, простые и композитные годонимы.

STRUCTURAL-GRAMMATICAL TYPES OF SIMPLE AND COMPOSITE GODONYMS OF GORLOVKA

A. V. Piven

In this article, the author attempts to analyse and classify basic structural-grammatical types and subtypes of godonyms of Gorlovka.

Keywords: godonym, structural-grammatical classification of godonyms of Gorlovka, nomenclature term, propriat part, simple and composite godonyms.

МИКРОТОПОНИМИЯ СОВРЕМЕННОЙ ГОРЛОВКИ: КОННОТАТИВНЫЙ АСПЕКТ

Алексеевкова Ульяна Романовна⁷

студентка Горловского института иностранных языков,
Горловка, ДНР
alekseenkov.1978@gmail.com

Исследование вопроса коннотации занимает важное место среди проблем, связанных с семантикой языкового знака. Ономастическая лексика, которая, во-первых, имеет специфическое значение, а, во-вторых, может изменяться под влиянием различных аксиологических изменений в массовом языковом сознании носителя языка, показательна в этом отношении. Данная лексика может приобретать дополнительную информативность, эмоциональность и экспрессивность в процессе своего функционирования.

Ю. Д. Апресян, Т. А. Ненашева, В. Н. Телия и др. в своих работах, исходя из различных задач проводимых исследований, выделяют разные структурные типы коннотаций: национально-культурные, эмотивные, стилистические, фоновые, территориальные и т.п. По мнению, Е. М. Вольф и В. Н. Телии основным признаком коннотации является оценка. В своей работе В. Н. Телия пишет, что коннотация имеет форму субъективно-оценочного модуса к денотативному «диктуму» значения. При этом следует учитывать, что оценочный компонент «добавляется» к денотативному значению, «наслаивается» на него. По мнению, В. Н. Телии в структуре коннотативного значения «ассоциативно-образный компонент выступает основанием оценочной квалификации, которая связывает денотативное и коннотативное содержание языковой единицы» [6, с. 236].

Е. М. Вольф в своих исследованиях подробно описала феномен оценки. Оценочное значение по мнению автора является коннотативным компонентом семантики слова, которое отражает

⁷ Научный руководитель – доктор филол. наук, профессор И. А. Герасименко

отношение говорящих к понятию или признаку, составляющего основу номинации. Е. М. Вольф характеризует оценку как «один из видов модальностей, которые накладываются на дескриптивное содержание языкового выражения» [3, с. 11]. В. Н. Телия пишет о том, что эмоциональная оценка добавляется к общей, наслаивается на неё [6, с. 39]. Е. С. Отин во вступительной статье к «Словарю коннотативных собственных имён» пишет о том, что оценочное значение является «вторичным, дополнительным понятийным содержанием» [4, с. 5]. Исходя из вышеперечисленных взглядов на понятие коннотации, и определения данного термина Е. М. Вольф и В. Н. Телии можно сделать вывод, что эмотивно-оценочное отношение субъекта речи к действительности выражается при помощи коннотации. Высказывание становится стилистически маркированным, получает на основе этой информации оценочный эффект.

В данном исследовании мы опираемся на аксиологический (оценочный) аспект понятия коннотации. При этом стоит обратить внимание и на социальный характер коннотации, в которой отображаются устойчивые признаки понятий. В них воплощена оценка предмета или явления с точки зрения языкового коллектива. М. С. Ретунская пишет о том, что оценка в слове имеет социальный характер, поскольку «отображает оценочное отношение языкового коллектива или его части к предмету оценки» [5, с. 22].

Все рассмотренные нами выше определения коннотации в равной степени относятся к коннотации имени собственного, но с рядом определенных различий. Во-первых, у имен собственных оценочное значение добавляется к предметно-логическому содержанию онима. Во-вторых, имена собственные имеют более четкие границы между денотацией и коннотацией, так как в имени все, что информирует или вызывает эмоции, будет относиться к коннотации. В-третьих, имена собственные имеют более яркую социальную оценочность. Е. А. Березович отмечает, что ономастика является наиболее привлекательной для «общественности» языковой сферой, так как транслирует мнение говорящего, его оценку реальности. Из этого следует, что все ономастическое пространство, наряду с денотативным значением, имеет и коннотативное значение, которое наслаивается на первое.

Частью ономастического пространства является микропонимика, предметом исследования которой является микропоним. Функция микропонима – обозначить объект, а также выделить его из ряда однородных и этим же отличить от других. Его вторичной функцией является выражение отношения говорящего к называемому объекту.

Целью данного исследования является описание коннотативных особенностей микропонимикона города Горловки.

Микропонимическому пространству современной Горловки характерна информативность ландшафтного характера. Данные номинации включают в себя информацию о рельефе местности, о статусе объекта, его месте расположения и т.д. Но в тоже время микропонимика проявляет и функциональный регистр изобразительности.

Функциональный регистр изобразительности связан с коннотативностью. В ней проявляется личностный аспект восприятия и употребления имени. Коннотативность в ониме понимается как сложный комплекс созначений, а именно экспрессивных, эмотивных, аксиологических и т.д.

Отметим, что в микропонимикон современной Горловки входят мотивированные микропонимы, значительная часть которых имеет коннотативное значение, а их мотивированность раскрывается самим говорящим. Данные номинации эксплицируют ассоциативно-образное представление о называемом объекте. Но они также характеризуются неоднородностью. Исходя из сказанного, а также принимая во внимание характеристики коннотативных значений, представленных в работах В. Н. Телии и Е. М. Вольф, в данном исследовании мы разделили коннотативные микропонимы Горловки на несколько групп. Рассмотрим подробно каждую из них.

К первой группе коннотативных микропонимов мы относим номинации, образованные с помощью метафорического переноса значения. Например, *Собачёвка*. Данная номинация поселка возникла в 60-е годы XX века. Местные жители сравнивали уровень своей жизни с жизнью этого животного из-за плохих условий. Коннотативное значение данной номинации в языковой среде жителей Горловки – «бедность». В эту же группу мы включаем микропоним *Бутылка*. Этой номинацией обозначается сток

канала «Северский Донец-Донбасс». Здесь летом купаются и отдыхают местные жители. За то, что этот водоем имеет достаточно прозрачную воду, его называли *Бутылкой*, «прозрачный, как бутылка». Коннотация этого микропонима определяется как «чистота, прозрачность». Также к этой группе относится микропоним *Стандартный*. Посёлок с таким наименованием застраивали двухэтажными домами по единому стандарту. У микропонима *Стандартный* коннотация «обыкновенный». В эту группу входят также микропонимы *Соловки*, *Казачья балка*, *Круглый лес*, *Экспрессная* и т.д.

Вторую группу составляют микропонимы, возникшие в результате вторичной проприальной номинации, типа *Шанхай*. В современном городском пространстве Горловки номинация Шанхай имеет коннотацию «теснота, скученность». Такая коннотация мотивирована значением официального топонима Шанхай – бедный, густонаселённый район в Китае. К данной группе мы относим и микропоним *Пентагон*. Им называют жилое здание, которое имеет форму правильного пятиугольника и напоминает штаб-квартиру министерства обороны в США. Коннотация данного микропонима – «неприступность, крепость». Коннотативным микропонимом *Швейцария* именуют посёлок, расположенный недалеко от «мокрого карьера» с кристально чистой водой, а окружают его терриконы, так называемые местные Альпы, и редколесье, ассоциирующееся у местных жителей с лесами Швейцарии. Данная номинация имеет коннотацию «чистый, свежий». К этой группе мы относим и микропонимы *Бродвей*, *Китайская стена*, *Куба* и т.д.

В третью группу коннотативных микропонимов входят номинации, которые созданы на базе коннотативных аппелятивов, где их же основа выражает этот компонент значения. Микропонимы данной категории имеют сопряженную окраску с окраской аппелятива. К данной группе мы относим микропоним *Нахаловка*. Посёлок, именуемый данным микропонимом, получил свою номинацию в связи с тем, что местные жители самовольно захватили эту землю и построили здесь дома, несмотря на запрет властей. С. А. Кузнецов в «Большом толковом словаре» пишет, что лексемой *нахал* называют беззастенчивого, бесцеремонного человека [2, с. 762]. Данный микропоним имеет коннотацию «мой, взятый

силой». Сюда же мы отнесём неофициальное наименование *Веселый*. В районе посёлка *Весёлый* находился пруд, вокруг которого много зелени и садов. Отсюда и такое название. А. С. Кузнецов даёт такое определение лексеме *веселый*: «тот, кто любит веселье, радостный, оживленный» [2, с. 432]. Коннотация данного микропонима «красивый, привлекательный». Микропоним *Шумы* именуется местность, которая находится на западе Никитовского района. Здесь дуют сильные ветры, наблюдается роза ветров. В связи с этим на описываемой территории всегда шумно. В словаре А. С. Кузнецова даётся такое определение лексеме шум: «разнообразные звуки, слившиеся в нестройное звучание; гул» [2, с. 1107]. Коннотация данного микропонима «громкий».

Четвёртая группа микропонимов включает в себя номинации, в состав которых входят адъективы-эпитеты; ср.: *Вошивый яр*. Посёлок с данной номинацией находится в Государевом Байраке. С происхождением данной номинации связана история, которую рассказывают местные сторожили. События имели место после Великой Отечественной войны. Один приезжий солдат увидел, как на склоне горы женщина расчесывала дочери волосы и искала вшей. Увидев солдата, смотрящего на них, женщина смутилась, забрала дочь и ушла. С того момента яр стали иронично именовать «вшивым» или «вошивым». Данную историю описал в своей работе, посвященной топонимам города Горловки, А. В. Шевченко. Описываемый микропоним имеет пренебрежительную коннотацию «грязный, вшивый». А. С. Кузнецов пишет, что лексема *вшивый* имеет значение – покрытый вшами [7, с. 482]. Коннотация данного микропонима «ничтожный, грязный». К этой категории мы также относим микропоним *Срамный яр*. Именуют его так потому, что в 50-е – 60-е годы XX века летом там собиралась молодежь. Местные сторожили не любили эти «гуляния», считали все позором, «срамом». Коннотация микропонима *Срамный яр* негативная – «невежество, грязь».

К пятой группе мы относим микропонимы, образованные от имён и фамилий первых поселенцев. Микропонимы описываемой группы имеют такую же коннотацию, как и антропонимы, от которых они были образованы. В этом случае передается отношение не столько к объекту, сколько к лицу, связанному с этим объектом. Такую спроецированную эмотивность как составляющую

коннотативности имеют, например, следующие единицы: *Федоровка*, образованная от фамилии *Фёдоров*; *Андреевка*, образованная от имени *Андрей*; *Штеровка*, образованная от фамилии *Штеров* и т.д. Также к этой группе микропонимов мы относим номинацию *Накиша*, образованную от имени *Никита*, а также *Румяха*, образованную от фамилии *Румянцеv*.

Спроецированная с антропонима эмотивность поддерживается в микропониме ассоциативно, по соотношению с именами, содержащими разговорные суффиксы *-к-*, *-иш-*, *-ях-*. Г. П. Цыганенко в «Словаре служебных морфем» пишет, что суффикс *-к-* выступает как суффикс субъективной оценки, *-иш-* – выражает значение пренебрежения, суффикс *-ях-* образует стилистически сниженные имена собственные. Названные суффиксы имеют в коннотативном плане сильную позицию, а микропоним и его мотивирующая база – соответствие коннотации.

К шестой группе относятся микропонимы, в которых коннотативность обеспечивается благодаря антонимическому значению слов и словосочетаний. Например, микропоним *Царское село*. Данную номинацию получил дачный поселок. Постройки там были маленькие, скромные. Но местные жители саркастически стали называть свои дачи «царскими». Коннотативность данного микропонима «бедный». К этой же группе мы относим микропоним *Белая водочакка*. Так называли место, где расположена нефтебаза. Нефть имеет чёрный оттенок, но водочакку именуют белой. Коннотативность – «чёрный».

Показательно то, что в числе средств выражения коннотативности микропонимов города Горловки не зафиксирована обценная лексика, инвективы. Эта область практически закрыта для бранных выражений.

Таким образом, коннотативность создаётся и выражается во всем микропонимическом комплексе, в котором микропоним является сигналом предтекста, передающего опыт номинации, оценки. В ходе исследования в микропонимической системе города Горловки было выявлено шесть групп коннотативных микропонимов, характеризующиеся разными способами выражения коннотации. Конечно, данный материал требует еще более глубоко анализа, что и будет нами сделано в ходе дальнейших исследований.

ЛИТЕРАТУРА

1. Апресян Ю. Д. Коннотация как часть прогматики слова // Избранные труды: в 2-х томах. – М., 1995. – Т. 2. – С. 156–176.
2. Большой толковый словарь русского языка / гл. ред. С. А. Кузнецов. – СПб.: Норинт, 2003 – 1536 с.
3. Вольф Е. М. Функциональная семантика оценки. – М.: Едиториал УССР, 2002 – 280 с.
4. Отин Е. С. Словарь коннотативных собственных имён. – Донецк: Юго-восток, 2004 – 412 с.
5. Ретунская М. С. Тематические группы социально-маркированной лексики в английском языке // Язык и общество: Межвузовский сборник научных трудов. – Саратов, 1989. – С. 22–32.
6. Телия В. Н. Коннотативный аспект семантики номинативных единиц. – М.: Наука, 1989 – 153 с.
7. Цыганенко Г. П. Словарь служебных морфем русского языка. – Киев, 1982. – 241 с.

В данной статье анализируется коннотативно окрашенная микропонимика современной Горловки с осуществлением комплекса значений – экспрессивных, эмотивных, аксиологических и т.д. Микропонимика как частный языковой материал отражает основные особенности языковой картины мира и исследуемой территории, в частности.

Ключевые слова: коннотация, микропоним, мотивированность, созначение.

MICROTOPYNYM OF THE SOREENNOUS NECK: CONTACT ASPECT **U. R. Alekseenkova**

This article analyzes the connotatively colored microponymy of modern Gorlovka with the implementation of a complex of meanings – expressive, emotive, axiological, etc. Microponymy as a private linguistic material reflects the main features of the linguistic picture of the world and the study area, in particular.

Keywords: connotation, microponym, motivation, awareness.

ВОПРОСЫ ПРЕПОДАВАНИЯ РУССКОГО ЯЗЫКА И ЛИТЕРАТУРЫ

УДК 821.161.1

ПОСТИЖЕНИЕ АВТОРСКОЙ ИДЕИ ЧЕРЕЗ АССОЦИАТИВНЫЙ АНАЛИЗ ХУДОЖЕСТВЕННОГО ТЕКСТА (на примере стихотворения Ф. И. Тютчева «Весенняя гроза»)

Калинин Константин Андреевич

кандидат филологических наук, и. о. заведующего кафедрой
русского языка как иностранного и межкультурной коммуникации
НГПУ, Набережные Челны, Россия
filologkalinin@mail.ru

Сонькин Валерий Александрович

преподаватель русского языка и литературы первой категории
кафедры общих гуманитарных и естественнонаучных дисциплин
ИНПЕКО НГПУ, Набережные Челны, Россия
sonkinva59@mail.ru

Изучение программного стихотворения Ф. И. Тютчева «Весенняя гроза», небольшого по объёму, всегда вызывает определённые трудности.

*Люблю грозу в начале мая,
Когда весенний, первый гром,
Как бы резвяся и играя,
Грохочет в небе голубом.*

*С горы бежит поток проворный,
В лесу не молкнет птичий гам,
И гам лесной и шум нагорный -
Все вторит весело громам.*

*Гремят раскаты молодые,
Вот дождик брызнул, пыль
летит,
Повисли перлы дождевые,
И солнце нити золотит.*

*Ты скажешь: ветреная Геба,
Кормя Зевесова орла,
Громокипящий кубок с неба,
Смясь, на землю пролила*
[4, с. 46].

Первые три строфы, описывающие природное явление, легко прочитываются и воспринимаются учениками. Вся сложность

заключается в осмыслении последней, четвёртой строфы. Она непонятна по следующим причинам. Во-первых, поэт отсылает читателя в совершенно другое поэтическое измерение, связанное с иной культурной парадигмой. Во-вторых, не все слова отрывка понятны без соответствующего комментария. Наконец, этот отрывок – сплошная развёрнутая метафора, которая не может быть адекватно истолкована без соответствующей подготовки читателя.

Всё это зачастую приводит к тому, что в некоторых учебниках литературы четвёртая строфа совершенно методически неоправданно убирается из стихотворения. В этом случае постижение авторского замысла оказывается невозможным. Дело в том, что лирика Ф. И. Тютчева испытала влияние русской и европейской романтической традиции. Текст стихотворения не замыкается на теме русской природы, а выходит за её пределы. Ассоциативный анализ позволяет осмыслить культурный контекст произведения с учащимися 5–7 классов. Опишем методический маршрут изучения стихотворения на основе ассоциативного анализа. За основу мы берём алгоритм построения ассоциативного поля в поэтическом тексте, предложенный В. А. Сонькиным [3, с. 40–41]. Этот алгоритм творчески переосмысливается при изучении конкретного произведения. Цель ассоциативного анализа – построение поля ассоциаций путём подбора ключевых слов, которые, в конечном счёте, приведут к выделению имени (имён) поля (полей).

На *первом этапе* ученики внимательно читают текст стихотворения. Задача учителя заключается в том, чтобы подвести их к мысли о двухчастной композиции текста. Это можно достичь с помощью противопоставления «я понял» – «я не понял». Такая работа предусмотрена в самом начале ассоциативного анализа – восприятие текста.

На *втором этапе* учитель совместно с учениками анализирует первую часть текста (строфы 1–3) на уровне выделения ключевых (опорных) слов. Это выглядит следующим образом:

Гроза – гром – грохочет – раскаты – шум;

Дождь – перлы – нити – поток;

Пыль летит;

Май – весенний – первый – резвяся и играя – молодые – весело;

Небо – голубое – солнце;

Гора – лес;

Птичий – гам.

Такая работа позволяет выбрать кандидаты «на роль ключевого слова, но все они подвергаются проверке на «ассоциативную ёмкость» [3, с. 40].

Расположение ключевых слов по рядам связано с общностью их значения. Учитель акцентирует внимание учеников на то, что мир в первой части стихотворения связан с зрительным и слуховым восприятием внешнего мира.

Особое внимание уделяется слову *гроза*, которое, с одной стороны, употребляется в сильных позициях текста (заглавие и первая строка), с другой – может объединить почти все ряды на уровне ассоциаций.

Результат работы на этом этапе – составление словесных рядов текста. Они, по указанию А. И. Горшкова, определяют композицию произведения и являются категорией текста [1, с. 155]. Поэтому их выделение преследует важную методическую цель – понять особенности построения текста.

На *третьем этапе* ученикам предлагается дополнить эти словесные ряды своими ассоциативными ощущениями. Результат этой работы может выглядеть так:

Гроза – гром – грохочет – раскаты – шум – звук – стук – треск (звукопись);

Дождь – перлы – нити – поток – вода – земля «пьёт» – питательная влага;

Пыль летит – ветер – колыхание;

Май – весенний – первый – резвяся и играя – молодые – весело – детство – юность – начало – утро – пробуждение;

Небо – голубое – солнце – свет – яркое (зрительное восприятие мира);

Гора – лес – природа – устремлённость вверх;

Птичий – гам – хаос – дисгармония – движение.

Такая работа позволяет сформировать целостное представление о первой части стихотворения на уровне ассоциативных рядов с

учётом всех уровней восприятия. Теперь ученики подготовлены к интерпретации второй части.

На *четвёртом этапе* учитель предлагает обучающимся внимательно прочитать последнюю строфу:

*Ты скажешь: ветренная Геба,
Кормя Зевесова орла,
Громокипящий кубок с неба,
Смеясь, на землю пролила.*

Ученики даже без комментария учителя могут выбрать те слова, которые продолжают составленные ими ассоциативные ряды. Без труда они найдут место для некоторых слов, часть слов требует комментария учителя или работы со словарными статьями (античные персонажи). Полагаем, что стоит включить в схему гору Олимп, которая угадывается в последней строфе. Результатом этой работы является продолжение схемы:

Гроза – гром – грохочет – раскаты – шум – звук – стук – треск (звукоспись) – Зевесов (Зевс-громовержец – бог неба грома и молний, ведающий всем миром) – громокипящий – смех;

Дождь – перлы – нити – поток – вода – земля «пъёт» – питательная влага – кормя – громокипящий – кубок – пролила;

Пыль летит – ветер – колыхание – ветренная (явление природы);

Май – весенний – первый – резвяся и играя – молодые – весело – детство – юность – начало – утро – пробуждение – ветренная (черта характера) – Геба (дочь Зевса, богиня юности) – смех;

Небо – голубое – солнце – свет – яркое (зрительное восприятие мира) – небо;

*Гора – лес – природа – устремлённость вверх – земля – Олимп;
Птичий – гам – хаос – дисгармония – движение – орёл.*

Следует обратить внимание учеников на пересечение ассоциативных словесных рядов, например, смех как атрибут молодости и как звуковой эффект. На это свойство словесных рядов указывает и А. И. Горшков [1, с. 159]. Такое переплетение раскрывает понимание произведения как «сложно построенного смысла» (Ю. М. Лотман) [3, с. 21].

На *последнем этапе* внимание учеников сосредотачивается на антитезе. Мир в стихотворении Ф. И. Тютчева распадается на два полюса: Земное и Небесное как важные атрибуты романтизма (двоемирие). Ученикам предлагается заполнить таблицу «Хронотоп стихотворения «Весенняя гроза» Ф. И. Тютчева»:

Небесное (голубое небо, солнце)	<i>Зевс-громовержец</i>	<i>громокипящий кубок</i>	<i>ветренная Геба</i>		<i>орёл</i>
			<i>любовь, смех</i>		
Олимп ↕ Гора					
Земное (лес)	<i>гроза гром грохот раскат</i>	<i>дождь перлы нити поток</i>	<i>ветер пыль летит</i>	<i>май весна первый резвость игра молодой</i>	<i>птичий гам</i>

Целостная картина мира стихотворения, возникающая при ассоциативном анализе, позволяет учащимся выйти на главную идею произведения. Одна из возможных интерпретаций текста связана с идеей субъективного восприятия мира: один воспринимает грозу как природное явление, для другого – это сакральный образ. Эту идею подтверждает и следующее противопоставление, выраженное на грамматическом уровне: *люблю* (1 лицо в первой части) – *ты скажешь* (2 лицо, открывающее вторую часть текста). Это позволяет говорить о наличии двух субъектов, двух личностных начал восприятия мира. Такое противопоставление ещё раз доказывает романтическое мироощущение автора.

Таким образом, методически грамотное использование алгоритма ассоциативного анализа поэтического текста позволяет приблизить учеников к постижению художественного замысла автора.

ЛИТЕРАТУРА

1. Горшков А. И. Русская стилистика: учебное пособие. – М.: АСТ, 2001. – 367 с.

2. Лотман Ю. М. Структура художественного текста. Анализ поэтического текста. – СПб.: Азбука-Аттикус, 2016. – 704 с.
3. Сонькин В. А. Изучение поэтики акмеизма (А. А. Ахматова, О. Э. Мандельштам): учебное пособие. – Казань, РИЦ «Школа», 2018. – 104 с.
4. Тютчев Ф. И. и др. Избранное. – М.: Правда, 1984. – 576 с.

В статье предлагается методический маршрут ассоциативного анализа стихотворения Ф. И. Тютчева «Весенняя гроза». Авторы полагают, что такой подход позволит понять авторскую идею, расшифровать непонятные места в художественном тексте. Построение словесных рядов из слов текста и на основе ассоциаций позволяет определить хронотоп произведения и раскрыть единство в противопоставлениях, обусловленное романтическим мироощущением автора.

Ключевые слова: поэзия, ассоциативный анализ, ассоциация, словесный ряд.

ACQUISITION OF THE AUTHOR'S IDEA THROUGH ASSOCIATIVE ANALYSIS OF ARTISTIC TEXT

(on the example of F. I. Tyutchev's poem "Spring Thunderstorm")

K. A. Kalinin, V. A. Sonkin

The article proposes a methodological route for the associative analysis of F. I. Tyutchev's poem "Spring Thunderstorm". The authors believe that this approach will make it possible to understand the author's idea, decipher incomprehensible places in the literary text. The construction of verbal series from the words of the text and on the basis of associations allows us to determine the chronotope of the work and to reveal the unity in oppositions, due to the romantic attitude of the author.

Keywords: poetry, associative analysis, association, word series.

ПРИЧИНЫ УПОТРЕБЛЕНИЯ ШКОЛЬНИКАМИ СЛЕНГОВЫХ ВЫРАЖЕНИЙ

Майорова Кристина Ильдаровна⁸

студентка филологического факультета НГПУ, учитель русского
языка и литературы МБОУ «СОШ № 3», Бугульма, Россия
kristina9528@mail.ru

Язык по своей природе социальное явление. Это связано с тем, что данная знаковая система в любых выражениях не может развиваться, исключая общественную деятельность участников коммуникации. Назначение языка имеет ярко выраженный социальный характер. Относительная свобода общения в современном мире оказывает значительное влияние на языковые процессы: то, что когда-то расценивалось как недопустимое, начинает активно употребляться в речи, практически полностью вытесняя традиционные литературные средства.

Одна из больших социальных мобильных групп людей – школьники. Представители ученического социума отличаются постоянным стремлением к чему-то новому. Подобные тенденции часто воплощаются в языке, не учитывая нравственный облик «великого, могучего и правдивого русского языка». Это обусловлено, в первую очередь, тем, что современная речь учеников изобилует жаргонизмами и сленговыми выражениями, которые стали неотъемлемой частью не только устной, но и письменной речи.

Анализируя речь школьников нужно понимать, что жаргонизмы образовали современные своего рода «вставки» в обыденную речь. Так образовался новый тип социального диалекта – сленг. Впервые данный термин появился в английской лексике со значением «язык улицы» и начал широко распространяться приблизительно в XIX веке. Специфика сленга заключается в том, что данное языковое явление продолжает наполняться новым речевым материалом, который появляется в разных социальных группах и не обладает какой-либо узкой направленностью слов. Это одна из причин того,

⁸ Научный руководитель – канд. филол. наук, доцент Р. А. Закиров

что сегодня до сих пор не существует общепринятого определения понятия «сленг», которое бы устраивало большинство лингвистов.

Так, например, И. Р. Гальперин утверждает, что понятия «сленг» не существует, аргументируя это неопределенностью самого термина и употребляя его как синоним английского эквивалента жаргона [1, с. 108]. Э. Партридж и его последователи Дж. Гринок и К. Н. Киттидж рассматривают сленг в качестве хаотичных лексем, которые присутствуют в просторечной лексике и отражают общественные нововведения [2, с. 10].

М. А. Грачев, Э. М. Берговская и многие другие лингвисты разделяют взгляды В. А. Хомякова, который условно представил структуру языка в качестве литературной и нелитературной лексики. При этом определил сленг как особый словарный состав языка, который пополняет свой активный запас из профессиональных, социальных жаргонов и экспрессивной лексики [4, с. 9]. Таким образом, сленг отражает все социальные изменения, что в итоге приводит к увеличению неординарных слов и выражений, которые отражают исторические моменты, большинство жизненных ситуаций, и выступает наиболее подходящим для лексики ограниченной сферы употребления [3, с. 25].

Существует несколько причин употребления сленговых выражений. По мнению Э. Партриджа характерными особенностями сленга являются новизна, необычность, отличие от стандартов, особая эмоциональность говорящего, конкретизация и образность [2, с. 9–10]. Не стоит исключать и тот факт, что у многих учеников скудный словарный запас. Сегодня школьники не умеют правильно выражать свои мысли, используя литературные слова, а излишняя простота в собственных высказываниях может быть объяснена психологическим состоянием молодого человека.

Рассматривая использование сленга с точки зрения прямолинейности, новизны, доступности, простоты и эмоциональности, можно условно разделить данную лексику на несколько сфер употребления:

а) слова, заимствованные из жаргона музыкантов и неформальных групп (*попсытина, музло, завалить, замочить, махать, гасить*);

б) слова, характеризующие части тела (*дыня, фейс – лицо; башка – голова; клешни, грабли, сосисоны – руки; лыжи, лапы – ноги*);

в) одежда, обувь (*косуха, бомбер – куртка; свитшот, худи – свитер; потники – носки*);

г) бытовая техника (*комп, ноут, инет (нэт), клави*);

д) оценочная лексика и вокативы (*класс, шик, отпад, офигенно, капец, жеть, ништяк; кент, чувак, брат, братиш, малой, братуха, пацанчик, батя*);

е) слова школьного обихода (*училка, химичка, физрук и т.д. – штат сотрудников; столовка, камчатка, шпора – реалии учебного процесса; матан, физра, лаба – учебные предметы*).

Школьный сленг для всех учеников – это игра слов. Изменение смысла, искажение формы происходит только для того, чтобы речь стала более эмоциональной, отличительной от остальных: *типа – вроде, сто пудов – точно, топчик (тон) – всё отлично, жеть – ужас, не парься – не беспокойся, клёво – хорошо*.

Широкое распространение сленговых выражений среди школьников определило необходимость в проведении социологического опроса, в котором приняли участие обучающиеся 6 класса. Всего в опросе принял участие 31 человек. Возрастная категория – 12–13 лет. Стоит отметить, что качество данного класса по русскому языку и литературе составляет 61,29% и 83,87% соответственно. Социологический опрос представлял 5 вопросов следующего характера:

- 1) Какая у тебя оценка по русскому языку и литературе?
- 2) Часто ли ты употребляешь сленговые выражения в своей речи?
- 3) Влияет ли чрезмерное употребление сленга на успеваемость?
- 4) Как ты считаешь, какое влияние оказывает чрезмерное употребление сленга на успеваемость?
- 5) Почему ты употребляешь сленговые выражения?

Результаты опроса показали, что основная часть обучающихся 6 класса достаточно часто употребляет сленговые выражения в своей речи (45,2%) и при этом считает, что чрезмерное употребление нелитературной лексики не влияет на учебную деятельность (54,84%). Стоит отметить, что практически те же ученики уверены, что чрезмерное употребление сленга не влияет на успеваемость (58,1%), а 22,6% убеждены в положительном воздействии данных выражений на учебный процесс.

Исследуя причины использования нелитературных слов в речи учеников, выяснилось, что большинство обучающихся используют сленг в целях экономии времени (45,2%), и также для того, чтобы их понимали сверстники (41,9%). Считают, что это модно 9,7%. Лишь 1 человек не употребляет сленговые выражения, потому что считает, что в жизни они не нужны.

Исходя из полученных результатов, можно прийти к выводу, что обучающиеся активно используют в своей речи сленговые выражения, считая данное явление нормой в современном обществе. При этом школьники, уже с 6 класса, не задумываются о том, что чрезмерное употребление сленговых выражений отрицательно влияет на их учебную деятельность и успеваемость.

В ходе опроса выявлены причины употребления ученического сленга. Отмечено, что обучающиеся используют жаргон в основном для того, чтобы упростить форму общения друг с другом, лучше понимать своих сверстников и точнее выражать свои мысли. Школьники считают, что так они экономят время, тем самым не отстают от модных языковых тенденций.

Таким образом, важно понимать, что главное в употреблении сленговых выражений – отход от обыденности, игровые элементы, насмешка, притворство. Сама речь выражает внутренние стремления школьников, на их взгляд, быть не такими, как трактует повседневный образ жизни. Рассматривая различные причины употребления нестандартной лексики среди молодого поколения, важно помнить о перспективах такого исследования, а именно сформировать такое сознание и отношение школьников к собственной речи, к родному языку, который бы стимулировал на самодисциплину и сознательность в речевых ситуациях.

ЛИТЕРАТУРА

1. Гальперин И. Р. О термине сленг // Вопросы языкознания. – 1956. – № 6. – С. 107–114
2. Маковский М. М. Английские социальные диалекты. – Москва, 1982. – 135 с.
3. Редкозубова Е. А. Сленг в современном коммуникативном пространстве. – Ростов-на-Дону, 2012. – 148 с.
4. Хомяков В. А. Введение в изучение слэнга – основного компонента английского просторечия. – Вологда, 1971. – 110 с.

5. Семёнов А. В. Этимологический словарь русского языка. – М.: Юнвес, 2003. – 704 с.

В статье анализируются причины употребления сленговых выражений среди школьников. На основании анализа социологического опроса обучающихся 6 класса сделаны выводы о частоте употребления нестандартной лексики, её влиянии на успеваемость и основных причинах использования сленга в речи.

Ключевые слова: лексема, нестандартная лексика, сленг, жаргон.

REASONS FOR PUPILS USE SLANG EXPRESSIONS

K. I. Mayorova

The article analyzes the reasons for the use of slang expressions among schoolchildren. Based on the analysis of a sociological survey of 6th grade students, conclusions were drawn about the frequency of use of non-standard vocabulary, its impact on academic performance and the main reasons for using slang in speech.

Keywords: lexeme, non-standard vocabulary, slang, jargon.

ФОРМЫ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ ОНЛАЙН-ДИКТАНТОВ ПРИ ОБУЧЕНИИ ПРАВОПИСАНИЮ НА УРОКАХ РУССКОГО ЯЗЫКА

Фирсова Кристина Петровна⁹

магистрант филологического факультета НГПУ, учитель русского языка и литературы Чистопольско-Высельской школы,
Чистопольские Выселки, РТ, Россия
vol.kristina2@yandex.ru

Формирование орфографических и пунктуационных навыков – сложный и длительный процесс. Для того чтобы развить эти навыки требуется выполнение упражнений и написание диктантов. Главная задача на уроках русского языка при написании диктантов – сформировать у обучающихся умение писать безошибочно. Для того чтобы написать диктант ученику необходимо, во-первых, слушать диктующего; во-вторых, анализировать интонации и смысловую составляющую текста, и преобразовывать это в письмо. Поэтому благодаря диктантам школьники эффективно запоминают правила русского языка и развивают орфографический и пунктуационный навыки [3, с. 165–168].

С развитием технологий у преподавателей появилась возможность расширить арсенал приемов, методов и форм обучения. Одной из таких форм на уроках русского языка становится онлайн-диктант, который органично дополняет традиционный метод написания диктанта. Онлайн-диктант – это новый формат диктанта, реализованный в электронном виде. Существует понятие «интерактивный диктант», которое тесно связано с ним. Интерактивный диктант – это задание-диктант, представленное на каком-либо Интернет-ресурсе. В таких заданиях есть определенный текст с несколькими вариантами ответов, которые может выбрать сам обучающийся.

Онлайн-диктанты имеют ряд преимуществ. В первую очередь, учитель экономит время, так как традиционный диктант по русскому языку всегда занимает некоторое время на уроке, после его

⁹ Научный руководитель – канд. филол. наук, доцент А. В. Потанина

написания, учителю необходимо собрать материалы, а затем следует его кропотливая проверка работ. Онлайн-диктант же предполагает индивидуальную работу школьника с компьютером, а большинство Интернет-ресурсов позволяют мгновенно получить результаты. Это дает возможность обучающимся быть более самостоятельными при работе с компьютерами или гаджетами, формирует умение находить свои ошибки и корректировать их. Также некоторые обучающиеся работают эффективнее в электронном тексте, нежели с тем, который написан от руки. В данном случае, они успевают исправить ошибки до того, как текст будет отправлен на проверку.

Онлайн-диктанты формируют умение работать обучающихся с электронными текстами, а также с информацией в целом. Если на уровне основного общего образования учебная нагрузка обучающегося по работе с компьютером постоянно растет, то уже к 10 или 11 классу такая работа становится необходимым навыком, который тренируется онлайн-диктантом.

Четвертым преимуществом онлайн-диктантов является то, что написание текстов под диктовку незнакомого для школьников голоса тренирует их способность слышать и воспринимать информацию от разных людей, а не только от одного. Кроме того, как считают некоторые обучающиеся, компьютер проверяет их диктанты в некой электронной объективности, что та или иная оценка за диктант не связана с их личностными качествами.

Возможность сдачи работы в электронном виде и быстрая передача написанного текста с помощью фотографии очень удобны на онлайн-уроках русского языка (при невозможности учителя и обучающихся быть в одном и том же месте). Другим, не менее важным преимуществом онлайн-диктантов на онлайн-уроках русского языка является отсутствие сторонних факторов, которые отвлекают внимание школьников.

Существует также возможность использования онлайн-диктантов дистанционно или диктант в виде домашнего задания, где ученик самостоятельно выполняет онлайн-диктант, видит свои пробелы в той или иной области русского языка, имеет возможность выписать правило и впоследствии не совершать данных ошибок.

Однако существуют и некоторые недостатки онлайн-диктантов. Во-первых, при написании традиционного диктанта, развивается навык письма от руки, который благоприятно влияет на важные

участки человеческого мозга. К примеру, система мозга в этот момент становится неким фильтром, который отсекает лишнюю информацию. Во-вторых, когда школьники пишут онлайн-диктант, не развивается навык чтения, а также вдобавок к этому, они не развивают моторику и речь [2, с. 16]. В-третьих, на уроках русского языка учитель не сможет контролировать всех обучающихся в ходе всего процесса выполнения онлайн-диктанта, есть вероятность того, что обучающиеся смогут воспользоваться Интернетом. В-четвертых, традиционный диктант имеет намного больше видов написания (контролирующий, словарный, выборочный, творческий диктант и др.), которые могут не только проверять, но и развивать творческий потенциал обучающихся. В-четвертых, данная форма обучения требует технического оснащения. На уроках русского языка у каждого обучающегося и учителя должен быть персональный компьютер.

Однако для разностороннего обучения, конечно же, важны и традиционные диктанты по русскому, и онлайн-диктанты. Речь идёт о сохранении привычного диктанта и внедрении современного технологичного формата, который открывает множество дополнительных возможностей. На сегодняшний день становятся популярными онлайн-формы, как интерактивные диктанты (онлайн-диктанты). Интерактивный диктант – это диктант, представленный на каком-либо сайте, с заданиями, проверяющими орфографию и пунктуацию. В таких заданиях есть определенный текст с несколькими вариантами ответов, которые может выбрать сам обучающийся. После выполнения такого рода задания, выдаются результаты, количество правильных или же неправильных ответов. Нет сомнения, что интерактивный диктант – это проверка знаний тех обучающихся, кто достаточно ориентируется в материале по русскому языку и у него имеется хорошая база знаний, чтобы найти ошибку, понять к какому, в первую очередь, правилу обращаться, затем корректировать ее, изучая тем самым правило русского языка и правильное написание данного слова. Существуют интерактивные диктанты с комментариями к ошибке, в обобщенном виде и в виде конкретного примера. Такой подход позволяет не тратить время на поиск слова в справочной литературе.

Интерактивный диктант как методический приём позволяет также обучающимся эффективно подготовиться к контрольным

работам и выпускным экзаменам. Одним из популярных ресурсов сети Интернет, который вмещает в себя такой формат, как онлайн-диктант, это «Яндекс. Учебник». Команда сервиса «Яндекс. Учебник» разработала уникальную систему онлайн-диктантов. Во-первых, это удобный механизм, то есть обучающийся заходит на данный Интернет-ресурс, открывает определенный диктант, а затем печатает текст в специальном поле под диктовку. После завершения диктанта, учитель мгновенно получает результат диктанта каждого обучающегося. На «Яндекс.Учебнике» может легко ориентироваться любой ученик, так как интерфейс данного сайта понятен и удобен. Во-вторых, обучающийся может с легкостью прослушать аудиозапись текста диктанта, которая была записана квалифицированными дикторами. Существенным преимуществом является то, что каждый обучающийся может настроить скорость диктовки, поставить на паузу. Данные функции позволяют писать онлайн-диктанты в своем темпе. В-третьих, на данном сайте есть большое количество диктантов на основе научно-популярных статей. К примеру, на сегодняшний день современных школьников интересуют темы гаджетов и информационных технологий. В «Яндекс. Учебнике» подбираются тексты о технологиях в жизни современного человека или же о том, как дрон спасает животных. Такие диктанты интересны и познавательны для современных школьников. В-четвертых, после написания диктанта по русскому языку система сразу выделяет ошибки и отображает короткие комментарии (небольшое правило с иллюстрацией). Благодаря этому, обучающийся сразу видит ошибки, не дожидаясь проверки учителя традиционного диктанта. Учитель получает отчет о количестве ошибок и опечаток ученика, указывает их тип.

Интересными для рассмотрения являются также два ресурса «Грамота.ру» и «Интерактивный диктант». На данных ресурсах каждый обучающийся сможет не только проверить знания и уровень владения русским языком, но и повторить ранее изученный материал, а также восполнить «пробелы». На уроках русского языка учитель может не участвовать в проведении данных диктантов, что удобно для школьника самостоятельно проверить себя без участия учителя. Интерактивных диктантов на «Грамота.ру» достаточно большое количество. Обучающиеся могут выбрать то, что им понравится или же выбрать то, что они прошли на уроке, чтобы

закрепить материал. Им следует просто кликнуть мышкой в том месте, где пропущена буква или знак препинания, выбрать в меню нужный вариант. После завершения, обучающийся получит сообщение о том, сколько правильных и неправильных ответов, в каком количестве. «Интерактивный диктант» пополняет диктанты в честь юбилеев писателей и поэтов, то есть появляется диктант на основе текста юбиляра. К примеру, можно проверить свою грамотность по тексту Б. Л. Пастернака «Доктор Живаго» (125-летие) или А. И. Куприна «Олеся» (145-летие).

Аудиодиктант – это традиционный диктант, но только онлайн с автоматической проверкой грамотности. Программа снабжена кнопками «Пауза» или «Замедленное чтение» и «Ускоренное чтение», чтобы можно было остановить, замедлить или ускорить запись. На данной программе есть аудиофайл со значком перевёрнутого треугольника.

Не менее значимым является сайт «Орфограммка». На данном сайте после завершения написания диктанта, учащийся получит полный отчёт с подробным объяснением каждой допущенной им ошибки и ссылками на академические правила и дидактические материалы. Большим преимуществом данного сайта также является то, что каждый учитель может надиктовать и разместить электронный диктант. Учитель также может задать ошибочное написание и написать комментарий именно для данной ошибки. При допущении этой ошибки ученику будет показан связанный с ошибкой комментарий. То же самое и для пунктограмм: для каждого знака препинания. Если на уроке русского языка будет писать такой диктант целый класс, то можно увидеть карту ошибок, где наглядно показано, какие чаще совершаются ошибки обучающимися и поработать над ними.

Не менее популярными сайтами, на которых представлено большое разнообразие онлайн-диктантов является сайт «Образовательный сайт учителя русского языка и литературы Захарьиной Елены Алексеевны» и Best-language. На этих сайтах есть возможность выбрать уровень сложности темы (к примеру, самой сложной темой является «*Слитное, раздельное, дефисное написание слов*»).

Можно выделить также ресурс под названием «Online Test Pad». На данном сайте представлено небольшое количество

интерактивных диктантов. Отводится около двадцати минут на то, чтобы выбрать орфограмму и пунктограмму. После завершения написания онлайн-диктанта, обучающийся сможет увидеть свой результат, состоящий из: количества баллов (правильных ответов); максимально возможное количество баллов; процент и оценка.

Онлайн-диктант является отличным инструментом для самостоятельного обучения, для проверки знаний в области орфографии и пунктуации на уроках русского языка, для подготовки к экзаменам и тестам по русскому языку. Данная форма обучения позволяет сэкономить время, как учителя, так и учеников, делая учебный процесс более эффективным. Работа в онлайн-формате дает возможность обучаться не только профилю, но и навыкам по работе с компьютером.

Будущее методики преподавания русского языка – это развитие технической составляющей технологии учебного процесса. Это позволит расширить диапазон выбора методов и форм обучения.

ЛИТЕРАТУРА

1. Басалаева Е. Г., Ружа О. А., Шпильман М. В. Русская орфография и пунктуация сквозь призму наивного сознания // Сибирский филологический журнал. – 2016. – № 3. – С. 59–69.
2. Венцов А. В., Касевич В. Б. Проблемы восприятия речи. – М., 2003. – 240 с.
3. Методика преподавания русского языка в школе / под ред. М. Т. Баранова. – М, 2000. – С. 165–168.

В статье рассматривается онлайн-диктант как способ развития орфографического навыка школьников, указаны преимущества и недостатки онлайн-диктантов, а также определяется эффективность использования онлайн-диктантов при обучении правописанию на уроках русского языка.

Ключевые слова: обучение русскому языку, диктант-онлайн, правописание.

FORMS OF USING ONLINE DICTATION IN TEACHING ORTHOGRAPHY IN RUSSIAN LANGUAGE LESSONS

K. P. Firsova

The article examines online dictation as a way of developing the spelling skill of schoolchildren, indicates the advantages and disadvantages of online dictation, and also determines the effectiveness of using online dictation when teaching spelling in Russian lessons.

Keywords: teaching Russian, online dictation, spelling.

МЕТОДЫ И ПРИЁМЫ ОРГАНИЗАЦИИ ЛЕКСИКО- СЕМАНТИЧЕСКОЙ РАБОТЫ ПРИ ИЗУЧЕНИИ ИМЕНИ СУЩЕСТВИТЕЛЬНОГО В ШКОЛЕ

Хамидуллина Алина Ринатовна

студентка филологического факультета НГПУ,
Набережные Челны, Россия
alinochka_rinatovna@mail.ru

Закиров Раиф Амирьянович

кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры русской и татарской филологии НГПУ, Набережные Челны, Россия
razina.mh@mail.ru

Одним из основных разделов русского языка является морфология. Этот раздел языкознания содержит сведения о грамматических классах слов русского языка, об образовании форм и систем форм, о морфологических категориях, в которых эти формы реализуются. Образовательная ценность морфологии заключается в том, что она помогает ученику понять природу языковых явлений, осознать богатство и красоту родного языка.

В рамках раздела «Морфология» школьниками изучается тема «Имя существительное». При освоении этой части речи в основной общеобразовательной школе применяются следующие принципы: экстралингвистический, структурно-семантический, системный, лексико-грамматический. Суть экстралингвистического принципа состоит в том, что при изучении большей части морфологических признаков обучающиеся опираются на их соотнесение с эпизодами внеязыковой действительности. Так, например, лексико-грамматический признак конкретности и абстрактности привязывается к внеязыковой информации о наличии или отсутствии предметов в реальной действительности.

Работа над темой «Лексико-грамматические разряды имён существительных» представляет собой длительный целенаправленный процесс рассмотрения обобщенного лексического значения и грамматических признаков имени существительного.

Базовые знания об имени существительном обучающиеся получают в начальных классах. Далее более подробная информация об этой части речи, о её разрядах, лексико-семантическом и грамматических особенностях даётся в 6 классе.

ФГОС ООО по дисциплине «Русский язык в образовательном учреждении с родным (нерусским) языком обучения» определяет предметные результаты, которых должен достичь обучающийся после завершения курса русского языка 6 класса: различать части речи; знать и верно указывать морфологические признаки глаголов, имён существительных, прилагательных; знать, как изменяются эти части речи; различать основные единицы языка, их признаки; смысла понятий: речь устная и письменная, монолог и диалог, сферу и ситуацию речевого общения; совершенствовать основные нормы русского литературного языка (орфоэпические, лексические, грамматические, орфографические, пунктуационные) [2].

Эффективность процесса формирования предметных результатов по теме «Лексико-грамматические разряды имен существительных» в средней школе зависит от того, какие методические приёмы выбирает учитель для формирования понятий «собственные и нарицательные имена», «личные и неличные имена существительные», «конкретные и неконкретные имена существительные», «одушевленные и неодушевленные имена существительные».

«Ономастический материал составляет значительную часть лексики любого высокоразвитого языка и заслуживает того, чтобы его изучали, как изучают язык, географию, историю и другие общественные и естественные науки», – пишет В. Д. Бондалетов. [1, с. 3]. Изучение темы «Собственные и нарицательные имена» целесообразно связать с изучением топонимики родного края. Например, можно предлагать такое задание: обучающиеся делятся на подгруппы: первая группа собирает названия и информацию об улицах города Набережные Челны, вторая группа готовит сообщение об известных людях нашего города, третья группа – о реках, родниках, находящихся в окрестностях города. Далее можно систематизировать собранный фактический материал и выпустить в виде буклета или стенгазеты. Для организации и проведения уроков русского языка можно привлечь учителя географии. Такая работа с привлечением местного топонимического материала вызывает

интерес обучающихся к предмету, к теме, а также стремление расширить свои познания в краеведении.

При изучении собственных имён существительных оправдывает такой приём как составление презентации об именах членов семьи обучающихся или же о семейном древе с подробным описанием значений имени каждого члена. Мы считаем, что такое задание способствует не только изучению морфологии, но и имеет коммуникативно-развивающую направленность.

Более сложный материал представляют литературные произведения, которые дают возможность познакомить ребят с литературной ономастикой, ее ролью в художественном произведении. В данном случае мы предлагаем обратиться к переводам произведений татарских писателей. Например, приведем строки из знакомых детям произведений:

Есть аул вблизи Казани, по названию Кырлай.

Даже куры в том Кырлае петь умеют... Дивный край!
(Г. Тукай, «Шурале»)

Ну-ка, Акбай, поучимся, на задние лапы встань!

Дай-ка лапу, не качайся! Держи спину прямо сам! (Г. Тукай, «Забавный ученик»)

Обучающиеся читают строки, находят собственные имена, определяют вид собственного имени. В национальной школе, мы считаем, оправдывает себя такое использование переводных текстов.

При изучении темы «Одушевленные и неодушевленные имена существительные» учитель ставит перед собой цель сформировать у обучающихся представление о категории одушевленности и неодушевленности существительных, познакомить с существительными, которые могут быть одушевленными и неодушевленными и в зависимости от употребления в предложении меняют свое лексическое значение, научить определять категорию существительного и его семантику в живой устной и письменной речи. В этих целях на начальном этапе мы предлагаем такое задание: подбери по рисункам слова, которые отвечают на вопросы *кто?* и *что?*

Для формирования лингвистической и этнокультурной компетенций в качестве фактического материала можно применить

переводные татарские народные сказки. Задание – выписать в два столбика одушевленные и неодушевленные имена существительные.

Текст:

Жила-была женщина. День и ночь она работала, чтоб накормить и одеть трех своих дочерей. И выросли три дочери, быстрые, как ласточки, лицом похожие на светлую луну. Одна за одной вышли они замуж и уехали.

Прошло несколько лет. Тяжко заболела старуха мать, и посылает она к своим дочерям рыжую белочку:

– Скажи им, дружок, чтоб ко мне поспешили.

– Ой! – вздохнула старшая, услышав от белочки печальную весть. – Ой! Я бы рада пойти, да мне надо сначала почистить эти два таза.

– Почистить два таза? – рассердилась белочка. – Так будь же ты с ними вовек неразлучна!

И тазы вдруг вскочили со стола и обхватили старшую дочь сверху и снизу. Она упала на пол и уползла из дому большой черепахой.

На уроке следует особо отметить тот момент, что деление на неодушевленные и одушевленные существительные не всегда совпадает с делением всего существующего в природе на живое и неживое. Например, названия растений считаются неодушевленными существительными, а слова *кукла, мертвец, покойник, туз, валет, козырь* по грамматическим свойствам одушевленными. К неодушевленным существительным равным образом относятся слова *народ, толпа, взвод, стая, детвора* и др.

Интерес представляет изучение темы «Конкретные и абстрактные имена существительные». Абстракция особенно трудно воспринимается нерусскими обучающимися, ведь является наиболее неоднозначным понятием. Основная проблема выявления абстрактных существительных заключается в наличии нечеткого разграничения абстрактного и конкретного. Самую большую группу абстрактных имен составляют слова со значением чувств. Ученикам, например, предлагается написать слова, выражающие чувства и описать их с помощью описательного оборота, включающего в себя родовое понятие «состояние человека». Образец: восхищение – это состояние человека, испытывающего высшее удовлетворение, восторг.

Счастье –
Угнетение –
Тоска –
Беспокойство –
Испуг –
Вера –
Вдохновение –

Далее будет целесообразным составить с этими словами предложения или придумать ситуации и разыграть, что в свою очередь будет способствовать формированию как лингвистических, так и коммуникативных навыков.

Система работы по ознакомлению обучающихся с лексико-грамматическими разрядами имен существительных представляет собой целенаправленный процесс, предполагающий строго определенную последовательность изучения данных грамматических признаков, а также постепенное усложнение упражнений.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бондалетов В.Д. Русская ономастика. – М.: Либроком, 2012. – 312 с.
2. ФГОС. Основное общее образование // URL: <https://fgos.ru/fgos/fgos-ooo>
(Дата обращения: 12.11.2021)

В статье авторами предпринята попытка описания методов и приёмов, а также комплекса упражнений, включающих лексико-семантическую работу на уроках русского языка при изучении темы «Лексико-грамматические разряды имён существительных».

Ключевые слова: имя существительное, лексико-грамматический разряд, нарицательные имена существительные, собственные имена существительные, конкретные имена существительные, одушевленные имена существительные.

METHODS AND RECEPTIONS OF THE ORGANIZATION OF LEXICO-SEMANTIC WORK WHEN STUDYING THE NAME OF THE NOUN

A. R. Khamidullina, R. A. Zakirov

In the article, the authors attempt to describe the methods and techniques, as well as a set of exercises, including lexical and semantic work in the lessons of the Russian language when studying the topic «Lexico-grammatical categories of nouns».

Keywords: noun, lexico-grammatical category, common nouns, proper nouns, specific nouns.

ОГЛАВЛЕНИЕ

ГРАММАТИКА ТЕКСТА

Глухова О. П. Грамматические средства выражения интенсивности в художественном тексте.....	3
Корчагина А. Ю. Динамика средств выражения модальности в древнерусском повествовательном тексте (на примере «Повести о битве на Липице» (XIII век) и «Повести о стоянии на Угре» (XV век)).....	9
Кузнецова Д. С. Функционирование номинативных предложений в поэтических текстах А. А. Блока.....	14
Петрова В. Э. Способы реализации субъективной модальности в художественном тексте (на примере рассказа Л. Н. Андреева «Кусака»).....	18
Шакирова Р. Д. Ссылка с <i>wie</i> как способ передачи чужого высказывания в немецком языке.....	24

ЯЗЫК И СТИЛЬ КЛАССИЧЕСКОЙ И СОВРЕМЕННОЙ РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

Тарасов А. М. Исследование пословиц русского языка с компонентом «Еда» в историко-этимологическом и этнографическом аспектах.....	28
Гибайдуллина Ф. А. Языковые средства выражения градации в стихотворениях в прозе И. С. Тургенева.....	33
Сафонова С. Г. Лексема «душа» в романе Ф. М. Достоевского «Братья Карамазовы» с точки зрения прагматической лингвистики.....	40
Постовит Е. А. Лексико-семантическая группа как семантический класс слов (на материале стихотворений С. Есенина).....	47
Загертдинов Р. Н. Использование грамматического параллелизма в рассказе Владимира Сорокина «Марфушина радость».....	55
Замятина М. Х. Мотивы произведений Ф. М. Достоевского в современной литературе.....	62

ЯЗЫКОВАЯ И ХУДОЖЕСТВЕННАЯ ОНОМАСТИКА

Бражник А. М. Имена собственные как единица измерения авторского стиля О. Мандельштама.....	66
Пивень А. В. Структурно-грамматические типы простых и композитных годонимов Горловки.....	73
Алексеевкова У. Р. Микротопонимия современной Горловки: коннотативный аспект.....	79

ВОПРОСЫ ПРЕПОДАВАНИЯ РУССКОГО ЯЗЫКА И ЛИТЕРАТУРЫ

Калинин К. А., Сонькин В. А. Постигание авторской идеи через ассоциативный анализ художественного текста (на примере стихотворения Ф. И. Тютчева «Весенняя гроза»)....	86
Майорова К. И. Причины употребления школьниками сленговых выражений.....	92
Фирсова К. П. Формы использования онлайн-диктантов при обучении правописанию на уроках русского языка.....	97
Хамидуллина А. Р., Закиров Р. А. Методы и приёмы организации лексико-семантической работы при изучении имени существительного в школе.....	103

Для заметок

Для заметок

Научное издание

СЛОВО В ЗЕРКАЛЕ ИСТОРИИ ЯЗЫКА

V Абрамовские научные чтения

ВЫПУСК 3

Под общей редакцией К. А. Калинина

Художественное оформление Н. В. Калининой